

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ГОЛУБИЦКАЯ Анастасия Александровна

Выпускная квалификационная работа

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ
КНР: ОЦЕНКИ КИТАЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**
THE PRC FOREIGN POLICY TRANSFORMATION: CHINESE SCHOLARS
PERSPECTIVES

Уровень образования: магистратура
Направление 41.04.05. – «Международные отношения»,
Основная образовательная программа ВМ. 5560 «Исследования Тихоокеанского региона»

Научный руководитель:

к. п. н., доцент

ЛАНЦОВА И. С.

Рецензент:

к. п. н., доцент

КОЛЕСНИЧЕНКО К. Ю.

Санкт-Петербург

2020 г.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. Международные исследования в КНР	10
1.1 Дебаты о «китайской школе»	10
1.2 Современное состояние и факторы развития.....	18
ГЛАВА 2. Пекинская школа.....	25
2.1 Теория «отношений»	25
2.2 Моральный реализм	32
2.3 Система «Тянься»	39
ГЛАВА 3. Шанхайская школа.....	46
3.1 Парадигма социальной эволюции	46
3.2 Теория симбиоза международного сообщества.....	52
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	58
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	60
ПРИЛОЖЕНИЯ	73

ВВЕДЕНИЕ

Стремительное развитие последних десятилетий, сопровождаемое повышением статуса государства на международной арене, сыграло роль катализатора смены КНР внешнеполитической парадигмы. С приходом к власти в стране «пятого поколения» руководителей Китай отказался от соблюдения принципа «держаться в тени», определявшего внешнюю политику страны с начала реформ и открытости. Новым ориентиром китайской дипломатии стал выдвинутый Си Цзиньпином лозунг «стремиться к достижениям». Как результат, современному Китаю свойственно существенно более активное поведение на международной арене. Расширяя свое участие в системе глобального управления и продвигая целую совокупность амбициозных инициатив, государство стремится закрепить за собой роль глобального лидера.

Частью данного процесса выступают попытки Китая утвердиться в качестве влиятельного игрока в развитии дисциплины международных отношений. Международные исследования в КНР в последнее десятилетие развиваются с беспрецедентно высокой динамикой. Китай находится в поиске аутентичного объяснения феномена «возвышения» и последовавшей за ним трансформации внешнеполитической стратегии. Создание национальной школы ТМО призвано усилить влияние КНР на глобальный дискурс о международных отношениях, оказывая параллельно идейную поддержку политическому курсу страны. Качественный и количественный всплеск в международных исследованиях выступает своего рода символом лидерского потенциала Китая в сфере социальных наук. В настоящее время можно наблюдать значительный прогресс в развитии незападной ТМО. Китайские ученые не только смогли успешно встроиться в поток глобальных международных исследований, но и смогли закрепить за собой позицию наиболее развитой и перспективной национальной школы «глобального Юга».

Актуальность данного исследования обуславливается, таким образом, двумя факторами. С одной стороны, интерес представляют причины и стимулы развития китайской теории. Опыт построения Китаем национальной школы ТМО может быть использован, в том числе и РФ, также вовлеченной в процесс создания глобальной ТМО. С другой стороны, представляется, что изучение китайских теорий международных отношений имеет не только теоретическую, но и практическую важность. В исследованиях можно найти ответ на вопрос, каким в рамках китайского научного дискурса предстает настоящее и будущее международной системы, а также какая роль отдается в ней Китаю. Анализ национальных теорий позволит составить более четкое представление об эволюции китайской внешней политики, ее

теоретических и концептуальных истоках. Подобное понимание может позволить с большей точностью анализировать и прогнозировать внешнеполитические решения КНР.

В качестве **объекта** данного исследования выступает китайская школа международных отношений. **Предметом** исследования является отражение изменений во внешнеполитической стратегии КНР в работах китайских исследователей.

Хронологические рамки исследования определяются периодом активного развития в КНР международных исследований и включают временной отрезок с начала XXI века по настоящее время.

Методологическую основу данного исследования составляют комплексный анализ и системный подход к изучению первоисточников и широкого спектра исследовательской литературы отечественных и зарубежных авторов по рассматриваемой тематике. Исторический метод позволил последовательно раскрыть свойства и особенности дисциплины ТМО в Китае, а также продемонстрировать факторы и закономерности процесса ее развития. Большое значение имело использование такого метода политической науки, как сравнительный анализ. Компаративный метод в работе был нацелен на получение эмпирических обобщений, касающихся природы «китайской школы» международных отношений, отличий и сходств китайских теорий с западными представлениями о международных отношениях. Сравнительный подход сыграл также ключевую роль в формировании выводов о доминирующих в китайском научном дискурсе оценках современной внешней политики КНР. Кроме того, при проведении исследования применялись общенаучные методы, включая методы анализа и синтеза, индукции и дедукции.

Целью настоящего исследования является выявление подходов в китайских научно-исследовательской литературе к оценке внешней политики Китая на современном этапе.

С учетом цели работы, исследование было выстроено для решения следующих **задач**:

1. исследовать историю развития дисциплины международных отношений на территории КНР;
2. выявить аргументы в поддержку и против выделения «китайской школы» международных отношений;
3. охарактеризовать особенности китайских исследований в области международных отношений;
4. рассмотреть теоретические положения ведущих теоретических концепций китайской теории международных отношений;
5. выделить на основе рассмотренных теорий оценки глобальной стратегии КНР на настоящем этапе;

Источниковая база исследования включает две категории источников. К первой категории принадлежат доклады, выступления и интервью высших должностных лиц Китая, отвечающих за реализацию внешней политики государства. Особый интерес в контексте влияния, оказанного на развитие в Китае международных исследований, представляют речь Дэн Сяопина, произнесенная на открытии совещания по теоретической работе ЦК КПК в 1979 году¹, а также выступление Си Цзиньпина на Национальной рабочей конференции по идеологической работе 2013 года².

Вторую категорию источников представляют изученные в рамках исследования теоретические работы представителей основных китайских теорий международных отношений. Всего в работе рассматривается пять теорий: теория отношений Цинь Яцина³, теория морального реализма, Янь Сюэтуна⁴, концепция «Тянься» Чжао Тиняна⁵, теория социальной эволюции Тан Шипина⁶, а также теория симбиоза группы ученых Фуданьского университета, включая Жэн Сяо, Ху Шоуцзюня, Ли Ючжуня, Цзинь Инджуня, Ян Цземьяня, Су Чанхэ, Юань Шэньюя⁷.

¹邓小平在中共中央召开的理论务虚会上的讲话 [Речь Дэн Сяопина на открытии совещания по теоретической работе Центрального комитета КПК] // 邓小平讲话实录: 演讲卷 [Сборник речей Дэн Сяопина]. - 红旗出版. - 2018. - p. 203.

²习近平在全国宣传思想工作会议上讲话 [Речь Си Цзиньпина на Национальной рабочей конференции по идеологической работе] // 中国共产党新闻网 [Новостной портал КПК] [Электронный ресурс] – URL: <http://jhsjk.people.cn/article/22636876> (дата обращения: 16.10.2019)

³秦亚青 世界政治的关系理论 [Цинь Яцин Теория отношений мировой политики] // 世界政治研究 [Исследования мировой политики]. – 2018. – Vol.2. - № 2. – pp. 30-46; 秦亚青 中国文化及其对外交决策的影响 [Цинь Яцин Влияние китайской культуры на внешнюю политику] // 国际问题研究 [Исследования мировой политики]. – 2011. - № 5. – pp. 21-33; 秦亚青 中华文化与新型国际关系 [Цинь Яцин Китайская культура и международные отношения нового типа] // 世界知识 [Мировой обзор]. – 2019. - № 1. – pp. 55-57.

⁴阎学通 先秦国家间政治思想的异同及其启示 [Янь Сюэтун Доциньские размышления о природе международных отношений и открытия, которые они несут] // 中国社会科学 [Социальные науки Китая]. – 2009. - №3. – pp. 87-108; 阎学通 外交转型、利益排序与大国崛起 [Янь Сюэтун Трансформация дипломатии, упорядочивание интересов и возвышение великих держав] // 战略决策研究 [Исследования стратегической политики]. – 2017. - № 3. – pp. 4-11; Yan Xuetong Political Leadership and Power Redistribution // The Chinese Journal of International Politics. – 2016. - Vol. 9. - № 1. – pp. 1-26.

⁵Zhao Tingyang Rethinking Empire from a Chinese Concept ‘All-under-Heaven’ (Tian-xia, 天下) // Social Identities. – 2006. -Vol. 12. - № 1. - pp. 29 -41; 赵汀阳 天下:在理想主义和现实主义之间 [Чжао Тинян «Поднебесная»: между реализмом и идеализмом] // 探索与争鸣 [Исследования и дискуссии]. - 2019. - № 9. – pp. 100-109; 赵汀阳 天下体系的一个简要表述 [Чжао Тинян Краткое изложение системы «Тянься»] // 世界经济与政治 [Мировая политика и экономика]. – 2008. - №10. – pp. 57- 65.

⁶Tang Shiping China and the Future International Order(s) // Ethics & International Affairs. – 2018. - Vol. 32. - № 1.- pp. 31–43; Tang Shiping Social evolution of international politics: From Mearsheimer to Jervis // European Journal of International Relations. - 2010. – Vol. 16. - №1. – pp. 31–55; Tang Shiping Order: A Conceptual Analysis // Chinese Political Science Review. - 2016. - Vol. - №1. - pp. 30-46.

⁷任晓, 胡守钧, 李友钟, 金应忠, 杨洁勉, 苏长和, 袁胜育 共生:上海学派的兴起 [Жэн Сяо, Ху Шоуцзюнь, Ли Ючжун, Цзинь Инджун, Ян Цземьянь, Су Чанхэ, Юань Шэньюй Симбиоз:подъем шанхайской школы] / 任晓 [Жэн Сяо]. - 上海译文出版社 [Шанхайское издательство переводов], 2015. – 208 p.

Отдельные из представленных работ, в частности, исследования Тан Шипина и Цзинь Инджуна, впервые получают освещение в отечественной литературе.

Степень научной разработанности темы. В ходе исследования был изучен широкий круг источников и литературы, разделить которые можно на три основные группы. Исследования феномена глобализации теории международных отношений и развития национальных теоретических школ можно найти в работах таких зарубежных ученых как Билгин П.⁸, Литтл Р.⁹, Чэн Чин-Чан¹⁰, Такаши Иногути¹¹, Шильям Р.¹², Одри А.¹³ и Йонг Юнсу¹⁴. Особое место среди исследователей незападной ТМО занимают авторы концепции «глобальной ТМО» Амитав Ачария¹⁵ и Барри Бузан¹⁶. Примечательно также, что работы данных исследователей позволяют взглянуть на развитие незападных школ в динамике, так как охватывают практически два десятилетия развития дисциплины. В отечественной литературе данная проблематика исследуется в работах А. Д. Воскресенского¹⁷, А. М. Кузнецова, А. И. Козинца¹⁸, М. М. Лебедевой¹⁹, Т.А. Алексеева²⁰, а также профессора СПбГУ Конышева

⁸ Bilgin P. Thinking past 'Western IR' // *Third World Quarterly*. – 2008. – Vol. 29. - №1. – pp. 5–23; Bilgin P. Looking for the International beyond the West // *Third World Quarterly*. – 2010. - Vol. 31. - №5. – pp. 817-828.

⁹ Little R., Buzan B. *World History and the development of non-Western International Relations Theory* / ed. Acharya and Buzan // *Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and beyond Asia*. -NY: Routledge, 2010. – 197 p.

¹⁰ Chen Ching-Chang The absence of non-western IR theory in Asia reconsidered // *International Relations of the Asia-Pacific*. - 2011. - Vol.11. - № 1. – pp. 1–23.

¹¹ Takashi Inoguchi Introduction to the special issue of International Relations of the Asia-Pacific // *International Relations of the Asia-Pacific*. – 2008. – Vol. 8. - № 3. – pp. 271–277.

¹² Shilliam R. *International Relations and Non-Western Thought: Imperialism, Colonialism and Investigations of Global Modernity* / R. Shilliam. – Routledge, 2012. - 288 p.

¹³ Audrey A. *Western Dominance in International Relations? The Internationalisation of IR in Brazil and India* / A. Audrey. – Routledge, 2018. – 208 p.

¹⁴ Eun Yong-Soo *What Is at Stake in Building "Non-Western" International Relations Theory?* / Yong-Soo Eun. – Routledge, 2019. –112 p.; Eun Y.-S. *Pluralism, Pluralism and Engagement in the Discipline of International Relations* / Yong-Soo Eun. – Singapore: Springer, 2016. – 106 p.

¹⁵ Acharya A. Dialogue and discovery: in search of international relations theories beyond the west // *Millennium*. - 2011. – Vol.39 - № 3. – pp. 619-637; Acharya A. *Global International Relations (IR) and regional worlds: a new agenda for international studies* // *International Studies Quarterly*. – 2014. – Vol.58. - №4. – pp. 1-13; Acharya A. *Advancing global IR: challenges, contentions and contributions* // *International Studies Review*. – 2016. – Vol.18. - №1. – pp. 4-15; Acharya A. *Non-Western International Relations Theory: Perspectives On and Beyond Asia* / A. Acharya. - Routledge, 2010. - 256 p.

¹⁶ Acharya A., Buzan B. *Why is there no non-Western international relations theory? An introduction* // *International Relations of the Asia-Pacific*. – 2007. -Vol. 7. - №3. – pp. 287–312; Acharya A., Buzan B. *Conclusion: On the possibility of a non-Western IR theory in Asia* // *International Relations of the Asia-Pacific*. – 2007. – Vol. 7. – № 3. – pp. 427–438.

¹⁷ Воскресенский А.Д. *Мировое комплексное регионоведение и перспективы построения незападной (китаизированной) теории международных отношений* // *Полис. Политические исследования*. - 2013. - № 6. - сс. 82-96;

¹⁸ Кузнецов А. М., Козинец А. И. *Незападные теории международных отношений – от маргинальности к признанию* // *Ойкумена*. – 2016. – №4. – 8-23.

¹⁹ Лебедева М. М. *Незападные теории международных отношений: миф или реальность ?* // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. – 2017. - №17(2). – сс.246-256.

В.Н.²¹. Среди диссертационных исследований, посвященных данной проблематике можно выделить диссертацию на соискание степени кандидата политических наук А. И. Козинца - «Незападные подходы в теории международных отношений: сравнительный анализ китайского и индийского опыта»²².

Вторая группа исследований, применяемых в данной работе, посвящена непосредственно развитию теории международных отношений на территории КНР. Данная проблематика в последнее время привлекает внимание все большего числа специалистов, что объясняет широкий спектр публикуемых работ. Среди представителей западной научной мысли «китайской школой» ТМО занимаются такие ученые, как Чан Геральд²³, Каллахан В. А.²⁴, Шнайдер Ф.²⁵, Кристенсен П.²⁶, Нильсен Р., Носелт Н.²⁷ и Шамбо Д.²⁸. Значительный вклад в развитие данного направления вносят ученые азиатских государств, включая Ду Т.²⁹, Ван Хунчжэна³⁰, Чжан Юндзина и Чан Тэнчи³¹. Среди российских специалистов первенство в освещении достижений китайских коллег принадлежит профессору РУДН Е.Н. Грачикову³². Ученому принадлежит серия статей о процессе становления и институционализации международных исследований в Китае. Также среди отечественных

²⁰ Алексеева Т.А. «Запад» и «незапад» в пространстве теории международных отношений // Вестник РУДН. – 2017. – Т. 17. - № 2. – сс. 217-232; Алексеева Т.А., Лебедева М. М. Что происходит с теорией международных отношений // Полис.- 2016. - № 1.- сс. 29-43.

²¹ Кобышев В.Н. Незападный взгляд на мировую политику // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т.64. - №3. – сс. 130-135.

²² Козинец А. И. Незападные подходы в теории международных отношений: сравнительный анализ китайского и индийского опыта: дис. канд. пол. наук: 23.00.04. - ФГАОУ ВО ДВФУ, Владивосток, 2018 - 186 с.

²³ Chan G. Chinese Perspectives on International Relations. A Framework for Analysis / Palgrave Macmillan UK, 1999. - 201 p.

²⁴ Callahan W.A. China and the Globalisation of IR Theory: Discussion of 'Building International Relations Theory with Chinese Characteristics' // Journal of Contemporary China. – 2010. – Vol.10. - № 26. – pp. 75-88.

²⁵ Schneider F. Reconceptualising World Order: Chinese Political Thought and Its Challenge to International Relations Theory' // Review of International Studies. - 2014. - Vol. 40. - №4. – pp. 683-703.

²⁶ Kristensen Peter M., Nielsen Ras T. Constructing a Chinese International Relations Theory: A Sociological Approach to Intellectual Innovation // International Political Sociology. – 2013. –Vol. 7. - №1. – pp. 19–40.

²⁷ Noesselt Nele Revisiting the Debate on Constructing a Theory of International Relations with Chinese Characteristics // The China Quarterly. – 2015. - Vol. 222. - pp. 430-448; Noesselt Nele Is There a “Chinese School” of IR? // GIGA Working Papers. – 2012. - №188.

²⁸ Shambaugh D. China's International Relations Think Tanks: Evolving Structure and Process // The China Quarterly. – 2002. - № 171. - pp. 575-596.

²⁹ Do Thuy T. China's rise and the ‘Chinese dream’ in international relations theory // Global Change, Peace & Security. – 2015. - Vol. 27. - № 1. - pp.21-38.

³⁰ Wang Hung-Jen The Rise of China and Chinese International Relations Scholarship. Challenges Facing Chinese Political Development / Hung-Jen Wang. - Lexington Books, 2015. - 204 p.

³¹ Zhang Yongjin, Chang Teng-Chi Constructing a Chinese School of International Relations. Ongoing Debates and Sociological Realities / Yongjin Zhang. – Routledge, 2016 . – 252 p.

³² Грачиков Е. Китайская теория международных отношений. Становление национальной школы // Международные процессы. –Т. 14. - № 3. - сс. 68-80.

ученых можно выделить А. Королева³³, Т. Понька³⁴, А. М. Кузнецова³⁵. Немаловажную роль в обзоре достижений КНР в сфере ТМО играют сами китайские ученые. Подробное рассмотрение факторов и этапов становления национальной школы и анализ ее перспектив можно найти в работах Цинь Яцина³⁶, Сун Снина³⁷, Фэн Хуйюна³⁸, Хэ Кая, Янь Сюэтуна, Лян Шоудэ³⁹, Жэн Сяо⁴⁰, Мэй Жана⁴¹ и Лу Пэна⁴².

Последняя категория представлена критическим анализом конкретных направлений в рамках китайской школы международных отношений в публикациях китайских и зарубежных специалистов. Круг публикаций, освещающих аспекты отдельных теорий, в настоящее время остается весьма узким. Среди научных представителей данного направления можно отметить Нордина А.⁴³, Смита Г.⁴⁴ и Кавальски Э.⁴⁵, занимающихся исследованием теории отношений, Фэн Чжана⁴⁶, Палтеля Дж.⁴⁷, Хуэй В.⁴⁸, анализирующих положения морального реализма, а

³³ Чжан Жуйчжуан, Королев А. Теория международных отношений с китайской спецификой:

современное состояние и тенденции развития // Проблемы Дальнего Востока. – 2010. - № 3. – pp. 96-110.

³⁴ Понька Т., Бельченко А., Забелла А. Китайский взгляд на теорию международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – Т.61. - № 10. - сс. 76–86.

³⁵ Кузнецов А. М. «Мирное развитие Китая» и некоторые проблемы теории международных отношений // Политическая концептология. – 2014. - № 3. – сс. 166 – 177.

³⁶ Qin Yaqing Relationality and processual construction: bringing Chinese ideas into international relations theory // Social Sciences in China. – 2009. – Vol.30. - №4. – pp. 5-20.

³⁷ Song Xinning Building International Relations Theory with Chinese Characteristics // Journal of Contemporary China. - 2001– Vol. 10 – Is.26. – pp. 61-74.

³⁸ Feng Huiyun , Kai He, Yan Xuetong Chinese Scholars Debating International Relations and Foreign Policy / Feng Huiyun. - Routledge, 2019. - 210 p.

³⁹ Liang Shoude Constructing an International Relations Theory with ‘Chinese Characteristics’// Political Science. – 1997. - Vol.49. - №1. – pp. 23-39.

⁴⁰ Xiao Ren Finalized paper for The Pacific Review special issue “China debates its global role” grown from within: Building a Chinese School of International Relations // The Pacific Review. - 2020. – pp. 1-27.

⁴¹ 梅然 该不该有国际政治理论的中国学? 兼评美国的国际政治理论 [Мэй Жан Нужна ли китайская теория международной политики? Опыт американской теории международной политики] // 国际政治研究[Исследования международной политики]. – 2000. - № 1. – pp. 63-67.

⁴² Lu Peng Chinese IR Sino-centrism tradition and its influence on the Chinese School Movement // The Pacific Review. – 2019. - Vol. 32. - №2. – pp. 150-167; 鲁鹏 中国特色国际关系理论建设的阶段性进展与不足 [Лу Пэн Развитие теории международных отношений с «китайской спецификой» и недостатки] // 国际关系研究 [Международные исследования]. – 2019. - № 4. - pp. 74 -83.

⁴³ Qin Yaqing, Nordin Astrid H. M. Relationality and rationality in Confucian and Western traditions of thought // Cambridge Review of International Affairs. – 2019. - №3. – pp. 2-5.

⁴⁴ Nordin Astrid H. M. , Smith Graham M. Reintroducing friendship to international relations: relational ontologies from China to the West // International Relations of the Asia-Pacific. – 2018. - Vol. 18. - №3. – pp. 369–396.

⁴⁵ Kavalski E. Guanxi or What is the Chinese for Relational Theory of World Politics // International Relations of the Asia-Pacific. – 2018. – Vol. 18. - №3. – pp. 397–420.

⁴⁶ Zhang Feng The Tsinghua Approach and the Inception of Chinese Theories of International Relations // The Chinese Journal of International Politics. – 2012. - Vol. 5. – pp. 73–102.

⁴⁷ Paltiel Jeremy T. Constructing Global Order with Chinese Characteristics: Yan Xuetong and the Pre-Qin Response to International Anarchy // The Chinese Journal of International Politics. – 2011. - Vol. 4. – pp. 375–403.

⁴⁸ Hui Victoria Tin-bor Building Castles in the Sand: A Review of Ancient Chinese Thought, Modern Chinese Power // The Chinese Journal of International Politics. – 2012. - Vol. 5. - pp. 425–449.

также Ча Тэсу⁴⁹, Драйэра Дж. Т.⁵⁰, Чан Чишэна⁵¹ и Карлсона А.⁵², исследующих концепцию «Тянься». Две оставшиеся теории, теория социального прогресса и теория симбиоза, на данный момент не были освещены в какой-либо значимой литературе. Отдельно стоит отметить работу двух отечественных ученых - Кривохиж С. В. и Соболевой Е.Д.⁵³, представивших в своем исследовании комплексный обзор теории морального реализма. Работа ученых фактически является первой и на данный момент единственной российской работой, посвященной конкретному течению в китайской ТМО.

В современной науке, таким образом, существует обширный спектр исследований по проблематике «китайской школы международных» отношений. Стоит, однако, отметить, что отечественные работы незначительно отстают от зарубежных в количественном и содержательном аспектах. В частности, отдельные китайские теории представлены в них фрагментарно. Так, например, теории социальной эволюции и симбиоза только упоминаются в отдельных обзорных статьях без полноценного исследования. Более того, вышеупомянутые работы практически не содержат сравнительного анализа положений теорий. Не уделяется в них внимания содержащемуся в теориях анализу китайской внешней политики. Китайские теории международных отношений во многом построены именно вокруг практических проблем китайской дипломатии. Анализ содержащихся в них оценок внешнеполитического курса КНР и основанных на них рекомендаций представляет отдельную нишу для исследований, в настоящий момент практически пустующую. Данная работа направлена на ликвидацию обозначенного пробела, что и формирует ее **научную новизну**.

Структура выпускной квалификационной работы была сформирована в соответствии с целью и задачами исследования и включает в себя введение, три главы, заключение, приложения и список использованных источников и литературы.

⁴⁹ Cha Taesuh Competing visions of a postmodern world order: the Philadelphian system versus the Tianxia system // Cambridge Review of International Affairs. – 2018. - Vol. 31. - №5. – pp. 392-414.

⁵⁰ Dreyer June Teufel The ‘Tianxia Trope’: will China change the international system? // Journal of Contemporary China. – 2015. – Vol. 24. - Issue 96. – pp. 24-36.

⁵¹ Chang Chishen Tianxia system on a snail's horns // Inter-Asia Cultural Studies. - 2011. - Vol. 12. - №1. - pp. 28-42.

⁵² Carlson Allen Moving Beyond Sovereignty? A brief consideration of recent changes in China's approach to international order and the emergence of the *tianxia* concept // Journal of Contemporary China. – 2011. - Vol. 20. - №68. – pp. 89-102.

⁵³ Кривохиж С. В. и Соболева Е.Д. Древность на службе современности: теория морального реализма и будущее мирового порядка // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – Т. 61. -№ 11. - сс. 76–84.

ГЛАВА 1. Международные исследования в КНР

1.1 Дебаты о «китайской школе»

Международные отношения как дисциплина имеют в Китае сравнительно короткую историю развития. В течение нескольких десятилетий с момента основания КНР китайское видение мировой политики определялось преимущественно марксистским подходом⁵⁴. Разработанные в обозначенный период концепции международных отношений, такие как, например, концепция «трех миров» были политическими и носили, в целом, атеоретичный характер⁵⁵. Поворотной точкой в развитии дисциплины стало начало в 1978 году политики реформ и открытости. Необходимость проведения в русле преобразований нового эффективного внешнеполитического курса заставила китайских ученых обратить внимание на западные подходы к международным отношениям и, в частности, на достижения западной теории международных отношений (ТМО).

Своеобразным сигналом к началу реструктуризации международных исследований в Китае послужила речь Дэн Сяопина, произнесенная им в августе 1979 года в рамках партийного совещания по теоретической работе. Как отметил китайский лидер, исследованиям в области политологии, права, социологии, а также мировой политики долгое время не уделялось должного внимания⁵⁶, что привело к возникновению существенного разрыва в уровне развития данных наук на территории Китая и Запада. Его ликвидация провозглашалась главной задачей, стоящей перед китайским научным сообществом в ближайшей перспективе. Главным следствием оглашения послания стало открытие китайских границ для западных теоретических работ, главным образом, трудов представителей школ реализма и либерализма. В государстве началась широкомасштабная работа по их переводу на китайский язык и последующему анализу. Уже в 1981 году была опубликована первая статья на китайском языке, дающая системный обзор существующих западных теорий международных отношений, под авторством Чэнь Лэмина⁵⁷.

⁵⁴ Понька Т. И. Китайский взгляд на теорию международных отношений / Т. И. Понька, А. С. Бельченко, А. А. Забелла // Мировая экономика и международные отношения. - 2017. - Т. 61, № 10. - С. 76-86.

⁵⁵ Qin Yaqing International Society as a Process: Institutions, Identities, and China's Peaceful Rise // The Chinese Journal of International Politics. – 2010. - № 3 (2). – pp. 129-153.

⁵⁶ 邓小平在中共中央召开的理论务虚会上的讲话 [Речь Дэн Сяопина на открытии совещания по теоретической работе Центрального комитета КПК] // 邓小平讲话实录：演讲卷 [Сборник речей Дэн Сяопина]. - 红旗出版. - 2018. – p. 203.

⁵⁷ 刘丰 中国国际关系理论的发展与创新 [Лю Фэн Китайская теория международных отношений: развитие и инновации] // 国际政治研究 [Международная политика]. – 2018. - №1. – pp. 134-160.

Достаточно быстро некритический импорт западных теоретических концепций перестает удовлетворять китайских исследователей. Новым ориентиром в их деятельности становится привнесение в ТМО китайской точки зрения. Это ведет к началу следующего этапа на пути развития международных исследований в КНР, главной характеристикой которого выступает появление дискурса о ТМО «с китайской спецификой» (中国特色国际关系理论, чжунготэсэгоцигуансилунь). Идея привнесения в теорию международных отношений «китайской специфики» была впервые высказана в 1987 году на всекитайской конференции ученых-международников, прошедшей в Шанхае. Ее автором стал Хуан Сиань, главный сотрудник научно-исследовательского отдела по международным делам при Государственном Совете КНР. Настаивая на индигенизации дисциплины, китайские исследователи руководствовались в первую очередь особенностями культурно-исторического опыта Китая, не вписывающегося, по их мнению, в рамки традиционных подходов в ТМО⁵⁸. К тому же, уже на данном этапе можно проследить критику западного доминирования в дисциплине международных отношений, постепенно разворачивающуюся к тому моменту не только в Китае, но на всей территории «незападного» мира. Диктовали необходимость привнесения «китайской специфики» в изучение международных процессов и стремительно разворачивающиеся в конце 1980-х начале 1990-х события, включая окончание «Холодной войны» и последующий распад СССР. В условиях трансформации международной системы возникла острая потребность в создании теоретических рамок для анализа ситуации через призму китайских интересов.

Несмотря на то, что инициатива создания теории международных отношений «с китайской спецификой», в целом, была позитивно воспринята научным сообществом КНР, отдельные исследователи скептически оценили перспективы «китаизации» ТМО. Предметом критики стала, прежде всего, ненаучность самого понятия «китайская специфика»⁵⁹. Возникнув, как калька с внутривполитической концепции «социализма с китайской спецификой», термин «ТМО с китайской спецификой» имел ярко выраженную идеологическую окраску. Подобный выбор создавал угрозу догматизации находящейся еще на первых ступенях своего развития дисциплины⁶⁰. К тому же, отмечалось, что крайне негативную роль может сыграть необходимость выстраивать теорию вокруг тезиса об уникальности китайского подхода к международным отношениям. Подобная привязка может не только привести к чрезмерному

⁵⁸ 梁守德国际政治学概论 [Лян Шоудэ Введение в международную политику] / 梁守德 [Лян Шоудэ]. - 中央编译出版社. - p. 237.

⁵⁹ Song Xinling Building International Relations Theory with Chinese Characteristics // Journal of Contemporary China. - 2001. - № 26. - pp. 67–68.

⁶⁰ Liang Shoude Constructing an international relations theory with «Chinese characteristics» // Political Science. - № 49. - Issue 1. - pp. 23–39.

сужению поля для исследований, но и помешать интернационализации китайской теории, снизив уровень ее универсальности и объективности⁶¹. Дополнительным поводом для критики служило также отсутствие формального определения понятия «ТМО с китайской спецификой». Участниками дискуссии не были сформулированы четкие требования к теории и непосредственные шаги к ее созданию. Стоит отметить, что параллельно с разгоревшейся дискуссией продолжается активное знакомство китайских ученых с западными теориями. Фокус китайских международников смещается, однако, в сторону конструктивизма и «английской школы», что впоследствии сыграет важную роль в начале новой волны развития китайской ТМО.

Достигнув к XXI веку своего пика, спор о «китайской специфике» постепенно перерастает в дебаты о «китайской школе» (中国学派, чжунгосюэпай). Данный термин впервые упоминается в 2000-м году в статье профессора Пекинского университета Мэй Жана. Его появление было продиктовано несколькими факторами. Во-первых, термин «китайская школа» служил идеологически нейтральной альтернативой понятию «китайской специфики»⁶². Во-вторых, подобная смена терминологии подчеркивала значительно возросшую по сравнению с более ранними периодами степень научной осознанности китайских исследователей⁶³. Впервые ими было заявлено о стремлении создать школу в строгом смысле данного понятия по аналогии с «английской школой». Таким образом, если на этапе «китайской специфики» спор шел в большей степени о внешней форме теории, то новые дебаты концентрировались на ее содержательных характеристиках, методологической основе и потенциале вклада в развитие глобальной дисциплины. Как отмечает Джеральд Чан, один из первых западных специалистов по китайской ТМО, в 1990-х китайские разработки еще не соответствовали международным академическим стандартам и, ввиду этого, не воспринимались серьезно западным научным сообществом⁶⁴. Создание «китайской школы» было направлено на изменение данного факта.

В 2004 году в Шанхае проводится очередная конференция с участием китайских международников под лозунгом «Создание китайской теории международных отношений, создание «китайской школы»». По ее результатам было сформировано три требования к будущей школе. В первую очередь отмечалось, что центральную роль в формировании

⁶¹ Liang Shoude Constructing an international relations theory with «Chinese characteristics» // Political Science. - № 49. - Issue 1. – pp. 23–39.

⁶² Xiao Ren Finalized paper for The Pacific Review special issue “China debates its global role” grown from within: Building a Chinese School of International Relations // The Pacific Review. – 2020. – pp. 1-27.

⁶³ 鲁鹏 中国特色国际关系理论建设的阶段性进展与不足 [Лу Пэн Развитие теории международных отношений с «китайской спецификой» и недостатки] // 国际关系研究 [Международные исследования]. – 2019. - № 4. - pp. 74 -83.

⁶⁴ Chan Gerald Chinese Perspectives on International Relations. A Framework for Analysis / Gerald Chan. - Palgrave Macmillan London, 1999. - p. 201.

«китайской школы» должны сыграть традиционная культура и философия Китая. Исследователям в качестве аналитических рамок предлагалось обратиться к богатому опыту китайской дипломатии. Также разрабатываемые в стране теории должны учитывать особенности современного положения Китая, системы политического устройства государства и его долгосрочных интересов на мировой арене. В качестве последнего требования было обозначено соответствие духу времени: отражение в теориях новых тенденций в развитии международных отношений, таких как, например, глобализационные и интеграционные процессы.

Катализатором развития «китайской школы» становится выдвижение в начале 2000-х новой внешнеполитической концепции КНР, известной как «мирное возвышение» или «мирное развитие». Как неоднократно подчеркивают китайские специалисты, западные теории преимущественно дают отрицательный ответ на вопрос о возможности бесконфликтного повышения статуса Китая в международной системе. Стремление ликвидировать данный «изъян», выступает в качестве важного стимула к разработке китайскими специалистами собственной теории, обосновывающих реальность «мирного возвышения»⁶⁵. Проблема «мирного возвышения», таким образом, может играть роль стержневой проблемы, вокруг которой, по мнению Цинь Яцина, главного проponenta «китайской школы», и будет формироваться школа.

Как отмечает профессор, именно наличие уникального и актуального центрального вопроса в свое время заложило основу для создания как современной американской ТМО, так и «английской школы»⁶⁶. Так, американская ТМО в качестве своей основной задачи рассматривает выявление способов сохранения американской гегемонии, английская, в свою очередь, занимается проблемой построения «международного общества». Сравнение стержневых проблем выше обозначенных школ с вопросом «китайского возвышения» позволяет заключить, что последний обладает равной степенью релевантности для будущего международной системы и предоставляет широкое поле для исследовательской работы. Стоит отметить, что «английская школа» во многом воспринималась китайскими учеными в качестве ориентира при создании собственной школы. Причины этого кроются, с одной стороны, в привлекательности самого термина «английская школа», выступающего своего рода свидетельством реальности создания школ на национальной основе. С другой стороны, «английская школа» интересовала китайских исследователей с содержательной точки зрения.

⁶⁵ 齐杓东, 申晓若 “关系与过程: 中国国际关系理论的文化建构”之管见 [Ци Бяодун, Шэн Сяожо Обзор монографии «Отношения и процесс: конструирование китайской теории международных отношений на основе культуры»] // 国际研究参考[Международные исследования]. – 2017. - № 2. - pp. 3-5.

⁶⁶ 秦亚青 国际关系理论的核心问题与中国学派的生成 [Цинь Яцин Ключевые вопросы ТМО и рождение «китайской школы»] // 中国社会科学[Социальные науки Китая]. – 2005. - № 3. – pp. 165 – 177.

«Английская школа», как и китайская в перспективе, представляет вызов доминирующим теориям международных отношений в лице реализма и либерализма, преимущественно представляющим продукт деятельности американских ученых⁶⁷.

Ключевое значение в работах сторонников «китайской школы» придается культурному фактору. Опорой для исследователей служит тезис о различающейся природе социальных и естественных наук. Общественные науки неизменно находятся в тесной зависимости от исторического и культурного фона государства, что делает возможным создание в их рамках национальных школ. КНР, как наследник одной из древнейших в мире цивилизаций с исключительно богатой философской традицией, обладает всеми исходными предпосылками для выдвижения собственных уникальных концепций международных отношений и альтернативных подходов к их анализу⁶⁸. Уникальный культурный генетический код страны может привести в ТМО новое видение, необходимое для вывода дисциплины из состояния застоя и начала нового витка дебатов в ее рамках. Апелляция к культурному аргументу встречается фактически в каждой из работ приверженцев создания национальной школы, к которым, помимо ранее упомянутого Цинь Яцина, можно также отнести таких ученых, как Ван Ивэй, Мэй Жан, Жэн Сяо, Ли Бин, Пань Вэй, Кун Дань, Ху Анъан, Янь Илун, Хэ Цзяньюй и Ван Сянсуй.

Стоит отметить, однако, что движение в поддержку индигенизации ТМО не является в полной мере гомогенным. В частности, один из пунктов для разногласий – это вопрос взаимодействия китайской теории и западной науки о международных отношениях. Отдельные представители научных кругов Китая исходят из представлений о китайской теории, как антиподе западной. Так, например, Мэй Жан создание «китайской школы» обуславливает необходимостью ликвидировать американское доминирование в дисциплине ТМО. По мнению ученого, в случае, если Китаем не будет выработан полностью независимый исследовательский аппарат, включая собственные концепции, методы и теории, китайские разработки, вне зависимости от их глубины и качества, не будут расцениваться, как обладающие равной с западными академической ценностью⁶⁹. Схожей позицией обладает другой активный участник дебатов – Ли Бин. Ученый ссылается на цитату Р. Кокса, согласно которой любая теория всегда

⁶⁷ Buzan B., Wang Jiangli The English and Chinese Schools of International Relations: Comparisons and Lessons // The Chinese Journal of International Politics. - 2014. – Vol. 7. - № 1. – pp. 1-46.

⁶⁸ 秦亚青 国际关系理论中国学派生成的可能和必然 [Цинь Яцин Возможность и необходимость создания «китайской школы» ТМО] // 世界经济与政 [Мировая экономика и политика]. – 2006. - № 3. – pp. 7-13.

⁶⁹ 梅然 该不该有国际政治理论的中国学? 兼评美国的国际政治理论 [Мэй Жан Нужна ли китайская теория международной политики? Опыт американской теории международной политики] // 国际政治研究 [Исследования международной политики]. – 2000. - № 1. – pp. 63-67.

создается для кого-то и с какой-либо целью⁷⁰. В соответствии с данной логикой, если задача американской ТМО состоит в защите американских интересов, то единственно верный смысл создания «китайской школы» заключается в обеспечении успешной реализации коренных интересов КНР⁷¹. Подобное видение активно критикуется Жэн Сяо. Ученый поддерживает идею создания Китаем собственной школы, однако, полагает, что намеренное противопоставление китайских и западных разработок представляет тупиковый путь развития дисциплины. Китайская ТМО должна быть независимой по отношению к западным теориям, но, тем не менее, она не должна подстраиваться под актуальные вопросы дипломатической повестки страны⁷².

Главным критиком идеи создания «китайской школы» является профессор университета Цинхуа Янь Сюэтун. По его мнению, универсальность представляет собой основополагающую характеристику любой науки, социальной или естественной. Признавая тот факт, что все существующие теории международных отношений в некоторой мере подвержены влиянию культурных и исторических факторов, ученый отмечает, что никакая из них не носит исключительно национальных черт⁷³. Это относится, в том числе, к постоянно приводимой китайскими исследователями в качестве примера «английской школе», название которой ошибочно воспринимается ими, как отсылка к стране происхождения. Помимо этого, крайне проблематичным представляется Янь Сюэтуна причисление тех или иных работ к «китайской школе». Так, например, остается неясным, будет ли считаться «китайской школой» теория, основанная на концепциях, выдвинутых в период после 1949 года, или же принадлежать к школе могут исключительно работы, содержащие отсылки к традиционным представлениям Китая о мироустройстве. Принимая за постулат второй тезис, мы сталкиваемся с новой проблемой: опора на труды, каких из множества китайских философских и политических течений, позволит идентифицировать теорию в качестве «китайской школы». Необходимо ли относить к ней только теории, прибегающие к заимствованиям из конфуцианского учения, или же возможно включение концепций из других направлений, таких как, например, даосизм, моизм, легизм и многие другие⁷⁴. Подобные аргументы можно встретить также в работах Тан

⁷⁰ Cox Robert W. Social Forces, States and World Orders: Beyond International Relations Theory // Millennium: Journal of International Studies. -1981. - №2. – pp.128.

⁷¹ 李滨 国际关系理论与本土化问题 [Ли Бин Теория международных отношений и проблема индигенизации] // 世界经济与政治 [Мировая экономика и политика]. – 2003. - № 4. – pp. 69-80.

⁷² 任晓 理论与国际关系理论：一些思考理 [Жэн Сяо Теория и теория международных отношений: некоторые размышления] // 欧洲 [Европа]. – 2000. - №4. - pp. 19-25.

⁷³ 阎学通 国际关系理论是普世性的 [Янь Сюэтун Теория международных отношений является универсальной] // 世界经济与政治 [Мировая экономика и политика]. – 2006. - №2. – p. 1.

⁷⁴ 阎学通 再论为何没有“中国学派” [Янь Сюэтун Еще раз о причинах отсутствия «китайской школы»] // 国际政治科学 [Международная политика]. – 2018. - №1. – pp. 2-6.

Шипина, Ся Бина и Чжан Жуйчжуана. Последний, в частности, подвергает сомнению тезис об уникальности исторического опыта Китая, подчеркивая, что его можно вписать в уже существующие международные теории⁷⁵.

В последнее десятилетие можно проследить значительный прогресс в развитии китайской ТМО, нашедший выражение, в первую очередь, в создании китайскими исследователями сразу нескольких собственных теорий международных отношений. Так, полноценное оформление получили теория «морального реализма» и «теория отношений», разработка которых была начата Янь Сюэтуном и Цинь Яцином соответственно примерно в середине 2000-х годов. Теория «морального реализма» обрела законченный вариант в 2013 году с выходом работы «Инерция истории: Китай и мир в ближайшее десятилетие»⁷⁶. «Теория отношений» же была полностью раскрыта в 2012 году в монографии «Отношения и процесс: культурный конструктивизм в китайской теории международных отношений»⁷⁷. Также в 2011 году произошло выдвижение концепции «международного симбиоза» за авторством Цзинь Инджуна и Ху Шоуцзюна⁷⁸. Китай впервые за историю развития международных исследований в стране приступил к экспорту идей и концепций. Благодаря этому, становится возможным утверждать, что китайская теория международных отношений внесла больший по сравнению с иными незападными школами ТМО вклад в создание «глобальной ТМО»⁷⁹. Тем не менее, вопрос о рациональности создания «китайской школы» по-прежнему остается неразрешенными. Единой позиции не было выработано как среди китайских международников, так и среди иностранных ученых, специализирующихся на изучении китайской ТМО.

Проникнув в китайское научное поле вслед за началом политики «реформ и открытости», дисциплина ТМО пережила две волны развития. Причиной возникновения первой волны послужило стремление китайских международников заявить о себе на глобальном уровне, привнеся в социальные науки, включая международные отношения, «китайскую специфику». Не принеся особых теоретических плодов, ввиду еще недостаточно

⁷⁵ 张睿壮 与发达国家对比中看中国国际关系研究中的差距 [Чжан Жуйчжан Сравнение международных исследований в Китае и развитых странах] // 世界经济与政治 [Мировая экономика и политика]. – 2004. – №1. – pp. 22-23.

⁷⁶ 阎学通 历史的惯性：未来十年的中国与世界 [Янь Сюэтун Инерция истории: Китай и мир в ближайшее десятилетие] / 阎学通 [Янь Сюэтун]. - 中信出版社, 2013. – 276 p.

⁷⁷ 秦亚青 关系与过程:中国国际关系理论的文化建构 [Цинь Яцин Отношения и процесс: культурный конструктивизм в китайской теории международных отношений] / 秦亚青 [Цинь Яцин]. -上海人民出版社, 2012. – 274 p.

⁷⁸ 鲁鹏 中国特色国际关系理论建设的阶段性进展与不足 [Лу Пэн Развитие теории международных отношений с «китайской спецификой» и недостатки] // 国际关系研究 [Международные исследования]. – 2019. - № 4. - pp. 74 -83.

⁷⁹ Acharya Amitav, Buzan Barry Why is there no Non-Western International Relations Theory? Ten years on // International Relations of the Asia-Pacific. – 2017. – Vol. 10. – pp. 1–30.

богатого опыта китайских ученых, дискуссия о «китайской специфике» плавно перетекла в дебаты о «китайской школе». Вторая волна имела гораздо более фундаментальный характер. Предметом спора между китайскими учеными стало не просто внесение в международные исследования китайской перспективы, но вопрос обоснованности создания методологически и концептуально независимой от иных течений в рамках ТМО школы. Несмотря на то, что к настоящему времени все еще не было выработано единой позиции относительно перспектив создания школы, китайская ТМО в последнее десятилетие демонстрирует беспрецедентно высокие темпы развития, причины чего будут рассмотрены в следующем разделе.

1.2 Современное состояние и факторы развития

Отсутствие однозначного итога у дебатов о «китайской школе» не отразилось негативно на темпах развития дисциплины международных отношений в Китае. Напротив, в результате приобретения дискуссией о необходимости национальной школы характера фонового процесса, ресурсы китайских исследователей были полностью направлены на проработку собственных теоретических концепций. Фактически, в настоящий момент можно говорить о существовании в китайском научном сообществе определенного консенсуса⁸⁰. Как сторонники, так и противники «китайской школы» своим приоритетом выделяют разработку китайских теорий, вне зависимости от того, будут ли они считаться отдельной школой. Так, по результатам исследования П. Кристенсена и Р. Т. Нелсена, примерно 69% китайских академиков рассматривают создание китайских теорий международных отношений в качестве важной задачи, в то время как не согласны с данным тезисом только 18%⁸¹. Термин «китайская школа» в подобных условиях предлагается рассматривать в качестве обозначения для широкой совокупности теорий международных отношений, созданных в КНР⁸², синонимичного по своей сути понятиям «китайская ТМО» (КТМО) и «ТМО с китайской спецификой».

Создание теоретической школы представляет собой трудоемкий и протяженный во времени процесс, требующий, с одной стороны, наличия у ученых независимого мышления, а с другой стороны, активного взаимодействия между академиками⁸³. Именно последнего элемента во многом не хватает «китайской школе». В действительности, сформировавшиеся на данный момент китайские теории представляют собой продукт усилий отдельных ученых или исследовательских институтов, сотрудничество между которыми находится на низком уровне или же отсутствует полностью. Роль центра развития теорий международных отношений в Китае разделена между двумя интеллектуальными столицами - Пекином и Шанхаем. К крупнейшим представителям «пекинской школы» относят ректора Китайского университета международных отношений Цинь Яцина и его «реляционную теорию», главу факультета международных отношений университета Цинхуа и автора теории «морального реализма» профессора Янь Сюэтуна, а также члена Академии общественных наук КНР Чжао Тиняна,

⁸⁰ Ren Xiao The “Chinese School” debate: Personal reflections / Ren Xiao // Constructing a Chinese school of international relations: Ongoing debates and sociological realities / ed. Yongjin Zhang, Teng-chi Chang . London: Routledge. – 2016. – pp. 32 – 49.

⁸¹ Kristensen Peter M., Nielsen Ras T. Constructing a Chinese International Relations Theory: A Sociological Approach to Intellectual Innovation // International Political Sociology . – 2013. - № 1. – pp. 19–20.

⁸² 庞中英 开放式的自主发展:对英国国际关系理论的一项观察——思考中国国际关系理论的方向 [Пан Чжунин Исследование «английской школы» - размышление о направлении развития китайской теории международных отношений] //世界经济与政治 [Мировая экономика и политика]. – 2003. - №6. – pp. 20-25.

⁸³ Ren Xiao The “Chinese School” debate: Personal reflections / Ren Xiao // Constructing a Chinese school of international relations: Ongoing debates and sociological realities / ed. Yongjin Zhang, Teng-chi Chang . London: Routledge. – 2016. – pp. 32 – 49.

занимающегося разработкой концепции «Тянься» («Поднебесной»). В свою очередь среди шанхайских теорий наибольшее распространение получили работы Тан Шипина о социальной эволюции международных отношений, а также труды представителей Фуданьского университета Ху Шоудюня и Цзинь Инджуна по теории «симбиоза».

Теоретические инновации последних лет стимулируются в Китае несколькими факторами. Во-первых, рассматривать развитие КТМО следует через призму изменения геополитического положения государства. По итогам четырех десятилетий с момента начала политики «реформ и открытости» КНР смогла существенно нарастить свои материальные ресурсы и вернуться в центр международной системы. Как результат, подход Китая к внешней политике претерпел кардинальные изменения, в особенности с приходом к власти пятого поколения китайских руководителей. КНР отказалась от соблюдения принципа «держаться в тени» в пользу нового лозунга – «стремиться к достижениям». В результате на смену роли пассивного бенефициара существующей международной системы пришла новая идентичность – глобальный лидер с широкой сетью интересов по всему земному шару.

Немаловажным аспектом «китайского возвышения» на международной арене является повышение дискурсивной силы государства. Термин «дискурсивная сила» (话语权, хуаюйцюань) используется для обозначения влияния, генерируемого логикой, ценностями и идеологией в рамках общественного дискурса государства⁸⁴. В более ранние периоды понятие применялось преимущественно по отношению к потенциалу воздействия Китая на формирование повестки в глобальном информационном поле, в первую очередь в СМИ. Однако по мере его закрепления в лексиконе китайских политических деятелей, о существовании права на дискурс было заявлено и в отношении научных исследований. Впервые о потребности укреплять «дискурсивную силу» Китая в социальных науках было объявлено в 2012 году. По словам Ли Чанчуня, члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК 17-го созыва, теоретические исследования должны прежде всего служить разъяснению миру китайского пути. Государству необходимо создавать философию и общественные науки с китайской спецификой, китайским стилем и китайской манерой⁸⁵. Аналогичные идеи можно проследить в речах Си Цзиньпина. Так, на полях рабочего совещания по философии и общественным наукам Председателем КНР

⁸⁴ 张志洲 中国国际话语权的困局与出路 [Чжан Чжичжоу Решение дилеммы о дискурсивной власти Китая] //绿叶 [Зеленый лист]. – 2009. - № 5. - pp. 76-83.

⁸⁵ 李长春在马克思主义理论研究和建设工程工作会议上的讲话 [Речь Ли Чанчуня на Рабочей конференции по теории марксизма] // 中国共产党新闻网 [Новостной портал КПК] 12. 10. 2012 [Электронный ресурс] – URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64093/64094/18059720> (дата обращения: 10.10. 2019)

была произнесена речь, в которой он подчеркнул необходимость «рассказывать китайскую историю и делать так, чтобы китайский голос был услышан»⁸⁶.

В условиях растущей активности страны на мировой арене теории призваны служить обоснованию ее действий и нивелированию растущей критики. Успешная реализация «дипломатических идей Си Цзиньпина»⁸⁷ требует не только повышения материальной мощи страны, но нуждается также в поддержке китайских инициатив со стороны глобального сообщества. Акцент, сделанный нынешним Председателем КНР на развитие социальных наук, произвел на дисциплину эффект, сопоставимый с речью Дэн Сяопина, обозначившей начало ее развития в Китае. Однако если в период Дэн Сяопина перед китайскими международниками стояла задача догнать западную науку, то Си Цзиньпин задал новый вектор развития международных исследований в стране, прочно зафиксировав за ними функцию легитимации приобретенных страной глобальных амбиций.

Отсутствие четкой границы между теорией и практикой являлось одной из наиболее ярких характеристик КТМО на всем протяжении ее развития⁸⁸. Тем не менее, беспрецедентный масштаб внешнеполитических проектов, реализуемых в настоящее время, придает особо высокую значимость повышению влияния в сфере идей⁸⁹. Появление собственных теорий представляется значительной части китайских академиков символом проведения страной независимой внешней политики⁹⁰. По аналогии с тем, как США играют доминирующую роль в ТМО за счет своего привилегированного положения в международной системе, КНР также необходимо приобрести статус одного из наиболее значимых источников научных инноваций. В случае же, если государство окажется не способным исполнять роль производителя знаний, то вне зависимости от того, насколько сильным оно проявит себя в других аспектах, ему

⁸⁶习近平在全国宣传思想工作会议上讲话 [Речь Си Цзиньпина на Национальной рабочей конференции по идеологической работе] // 中国共产党新闻网 [Новостной портал КПК] [Электронный ресурс] – URL: <http://jhsjk.people.cn/article/22636876> (дата обращения: 16.10. 2019)

⁸⁷ «Дипломатические идеи Си Цзиньпина» (习近平外交思想) - термин, используемый для обозначения внешнеполитических инициатив, выдвинутых Председателем Си, включая инициативу «Пояс и путь», идею создания «сообщества единой судьбы человечества», концепции «нового типа отношений великих держав» и «дипломатии великой державы с китайской спецификой» и т.д.

⁸⁸ Wang Hung Jen Being uniquely universal: Building Chinese international relations theory // *Journal of Contemporary China*. – 2013. - № 22. – Issue 81. – pp. 518-534.

⁸⁹ 阎德学 习近平外交思想与中国特色国际关系理论构建 [Янь Дэсюэ Мысли Си Цзиньпина о дипломатии и конструировании китайской теории международных отношений] // *东北亚论坛* [Северо-Восточный форум]. – 2019. - №1. – pp. 3-20.

⁹⁰ Ren Xiao The international relations theoretical discourse in China: One World, Different Explanations // *Journal of Chinese Political Science*. – 2009. - № 15. – Issue 1. – pp. 99-116.

никогда не удастся претендовать на глобальное лидерство. «Возвышение Китая», таким образом, должно привести и к «возвышению КТМО»⁹¹.

Подобный подход к задачам дисциплины, находит отражение в некоторых качественных особенностях КТМО. Так, например, китайские специалисты в гораздо меньшей степени сфокусированы на выявлении общих закономерностей развития международной системы, чем их западные коллеги⁹². Как результат, китайские исследования вносят незначительный вклад в развитие центральных теоретических концепций ТМО, включая, например, концепции «глобального правительства» или «мирового сообщества», ограничиваясь лишь формулировкой их альтернативных определений⁹³. Вместо этого теории преимущественно сконцентрированы на решении актуальных для китайской внешней политики проблем. Их ценность измеряется не в объяснительной силе, но в идеологической выдержанности и применимости для принятия внешнеполитических решений⁹⁴.

Пример синоцентризма можно найти в вопросах, на решении которых КТМО была сконцентрирована в разные периоды. Профессор Академии наук КНР Лю Фэн предлагает выделять три «больших спора», определивших ход развития дисциплины, помимо дебатов о существовании «китайской школы». В рамках первого «спора», протекавшего на протяжении 90-х годов прошлого века, китайские международники стремились ответить на вопрос о будущем международной системы в постбиполярный период, а также определить является ли китайское «возвышение» центральной проблемой периода системной трансформации. Предметом второго «спора», начавшегося в 2000-х годах и продолжающегося наравне с третьим по настоящее время, является переоценка внешнеполитической стратегии КНР, включая анализ необходимости отказа страны от принципа «держаться в тени». Наконец, зародившийся после мирового финансового кризиса 2008 года третий «спор» посвящен необходимости КНР принять на себя роль глобального лидера⁹⁵.

Другим немаловажным фактором, оказывающим влияние на развитие КТМО на современном этапе, является рост внимания мирового научного сообщества к незападным исследованиям. Как и иные представители западной ТМО, китайские ученые регулярно

⁹¹ Wang Yiwei China: Between copying and constructing / Yiwei Wang // International Relations Scholarship Around the World / ed. Tickner Arlene, Waever Ole. – Abingdon: Routledge. – 2008. – pp. 103-119.

⁹² Bing Ngeow Chow Review: The Rise of China and Chinese International Relations Scholarship by Hung-Jen // China Review. – 2014. - Vol . 14. – № 2. – pp. 270-272.

⁹³ 王义桅 超越国际关系：国际关系理论的文化解读 [Ван Ивэй За пределами международных отношений: культурная интерпретация теории международных отношений] / 王义桅 [Ван Ивэй] // 世界知识出版社. – 2007. – p. 210.

⁹⁴ Geeraerts Gustaaf, Jing Men International Relations Theory in China // Global Society. – 2001. – Vol. 15. – № 3. – pp. 251-276.

⁹⁵ 刘丰 中国国际关系理论的发展与创新 [Лю Фэн Китайская теория международных отношений: развитие и инновации] // 国际政治研究[Международная политика]. – 2018. - №1. – pp. 134-160.

подвергали западное доминирование в дисциплине критике. В основе убежденности в несовершенстве западной ТМО лежит мнение, что теории, основанные исключительно на европейском опыте, не могут адекватным образом отразить всю сложность и комплексность современной системы международных отношений⁹⁶. Ввиду этого, большое число сторонников в Китае находит концепция «глобальной ТМО»⁹⁷. Глобальная ТМО, согласно характеристике, данной автором концепции Амитавам Ачарией, должна отражать опыт международных систем, существовавших вне предела евроцентричной Вестфальской⁹⁸. Глобальная ТМО представляет собой перспективную платформу для трансляции и популяризации китайских теоретических новшеств, в особенности в свете роли, которая уделяется в ней культурным и историческим факторам. Тезис об обогащении ТМО за счет привнесения в анализ национальных элементов в значительной степени отражает позицию китайских ученых, широкий спектр работ которых имеет отсылки к древнекитайским политическим и философским концепциям⁹⁹.

Так, например, одно из наиболее полных определений КТМО, существующих на данный момент, предлагает рассматривать ее в качестве последовательной системы мышления, основанной на знаниях, источником которых служит китайская культура, и применяемой для выявления, концептуализации и обобщения существенных характеристик международных отношений¹⁰⁰. Использование понятий и концепций, заимствованных из китайской философии, создает несколько преимуществ. В первую очередь, подобным образом демонстрируется высокий уровень национального самосознания китайских ученых и их автономность по отношению к производимому на Западе знанию. Современные теории международных отношений основаны преимущественно на концепциях западной политической философии, не

⁹⁶ Zhang Yongjin System, Empire and State in Chinese International Relations // Review of International Studies. – Vol. 27. - №5. – pp. 43-63.

⁹⁷ См. 毛莉 为全球国际关系理论作出中国贡献 [Мао Ли Китайский вклад в развитие глобальной теории международных отношений] // 中国社会科学报 [Газета социальных наук Китая] 02.05.2018; 阿米塔夫·阿查亚, 董贺 全球国际关系学与国际关系理论的中国学派:两者是否兼容 [Ачария Амитава, Дун Хэ Совместимость «глобальной ТМО» с «китайской школой»] // 世界经济与政治 [Мировая экономика и политика]. – 2015. - №2. – pp. 10-15.

⁹⁸ Amitav Acharya Global International Relations (IR) and Regional Worlds: A New Agenda for International Studies // International Studies Quarterly. – 2014. - №4. – pp. 647-59.

⁹⁹ См. 叶自成, 王日华 春秋战国时期外交思想流派 [Е Цзычен, Ван Жихуа Дипломатическое мышление периодов «весен и осеней» и «сражающихся царств»] // 国际政治科学 [Международная политика].- 2006.- №2. – pp. 26; 张效民, 徐春峰 晚清外交变化的观念因素[Чжан Сяомин, Сю Чунфэн Факторы изменений в дипломатии поздней Цин] // 国际政治科学 [Международная политика].- 2006.- №2. – p. 34 ; Xu Jianxin On Tianxia system and world institution: review on The Tianxia System: An Introduction to the Philosophy of a World Institution // Quarterly Journal of International Politics. – 2007. - №2. - pp. 113–142; 陈玉聘 国际关系学中的经典与阐释:评“中国先秦国家间政治思想选读 [Чэн Юдай Международные отношения в классических произведениях: политическая мысль доцинского периода] // 国际政治科学 [Международная политика].- 2008. - №3. – pp. 68.

¹⁰⁰ 秦亚青 全球国际关系学与中国国际关系理论 [Цинь Яцин Глобальная теория международных отношений и китайская теория] // 国际观察 [Международный обзор]. – 2020. - №2. – pp. 27-45.

имеющих корни в Китае. Китайский исследователь, занимающийся их разработкой, будет вынужден работать в концептуальном поле, коренным образом отличающемся от того, в котором он был воспитан. Как результат, его работы всегда будут носить догоняющий характер в сравнении с исследованиями его западных коллег¹⁰¹. Только за счет использования национальной культуры в качестве базы для исследования китайские академики приобретут возможность вести диалог на равных позициях с западными специалистами.

Помимо этого, как отмечают многие представители КТМО, философское мышление Китая имеет несколько серьезных преимуществ. В основе китайской философской традиции лежат представления о единстве противоположностей и перманентной изменчивости мира. Подобная диалектика в большей степени применима для исследования высоко динамичных международных процессов, чем ее европейские аналоги¹⁰². Среди других сильных сторон китайской культуры можно выделить присущий ей космополитизм (天下注意, тяньсячжуи), этический идеализм (道德理想, даодэлисян) и стремление к гармонии (和谐理念, хэселинянь)¹⁰³. Внешняя политика Китая исконно строилась на таких фундаментальных ценностях, как благожелательность, моральность, толерантность и пацифизм. Анархия не рассматривается с китайской точки зрения как естественное состояние международной системы, ей противопоставляется идея конфуцианского социального порядка. Преимущественно источниками заимствования для китайских исследователей служат конфуцианские и даосские трактаты. С хронологической точки зрения, наиболее часто используются отсылки к таким историческим периодам, как «чжаньго» (период «Сражающихся царств») и «чуньцю» (период «Весен и осеней»).

Модернизация в работах китайских исследователей классических концепций достаточно часто приводит к искажению их исконных значений, так же как не в полной мере достоверной представляется порой трактовка некоторых исторических фактов. Это, однако, не отменяет положительно влияния, оказываемого возвращением к культурным корням, на развитие КТМО. Важно отметить, что, несмотря на уникальность центральной проблемы КТМО, привилегированное место, занимаемое в ней осовремененными концепциями традиционной китайской культуры, а также стремление определенного круга китайских международников к полной независимости от зарубежных теоретических концепций, «китайская школа» остается

¹⁰¹ Thuy T. Do China's rise and the 'Chinese dream' in international relations theory // *Global Change, Peace & Security*. – Vol. 27. - №1. – pp. 21-38.

¹⁰² Zi Zhongyun, The relationship of Chinese traditional culture to the modernization of China: an introduction to the current discussion // *Asian Survey*. – 1987. –Vol. 27. – pp. 442–458.

¹⁰³ Wang Yiwei Between Science and Art: Questionable International Relations Theories // *Japanese Journal of Political Science*. – 2007. - №2. – pp. 191–208.

неразрывно связанной с достижениями западной ТМО. Проследить это можно, в частности, на примере выше упомянутой периодизации развития дисциплины в Китае по аналогии с развитием западной ТМО рассмотренной в виде череды «больших споров». Даже самые аутентичные из китайских теорий прибегают к активному использованию западной терминологии и методологии, в результате чего, как будет продемонстрировано в последующих главах, преимущественно представляют собой симбиоз китайского и западного подходов к рассмотрению международных отношений.

Эволюция международных исследований в КНР проходила параллельно с процессом роста мощи государства и его влияния на международной арене. Данный факт предопределил траекторию развития дисциплины и ключевые ее характеристики. Уже на ранних этапах создание КТМО рассматривалось как способ продвижения китайского видения глобальной политики. В рамках же дебатов о «китайской школе» с появлением концепции «мирного возвышения» направленность китайских теоретических концепций на легитимацию внешнеполитического курса страны получила еще более четкое оформление. С ростом внешнеполитических амбиций государства созданию собственных теорий придается беспрецедентно большое значение. Синоцентризм теории и некоторое пренебрежение китайских теоретиков принципами универсальности и объективности дают возможность заключить, что КТМО на данном этапе представляет не столь попытку создать научную теорию в строгом понимании данного понятия, сколько рефлексию китайских академиков по отношению к процессам трансформации китайской внешней политики. Основные задачи, стоящие перед дисциплиной, включают в себя создание позитивного нарратива о китайском «возвышении» и превращение Китая в доминирующего производителя научного знания.

ГЛАВА 2. Пекинская школа

2.1 Теория «отношений»

Ректор Китайского университета международных отношений Цинь Яцин принадлежит к наиболее влиятельным ученым-международникам современного Китая. Разработанная им теория отношений (关系理论, гуаньсилилунь), также известная как процессуальный конструктивизм (过程建构主义, гочэнцзяньгоучжуи), представляет собой одну из первых и на данный момент наиболее удачных попыток создания китайской теории международных отношений. Согласно определению, данному Цинь Яцином, теория отношений представляет собой эволюционную теорию системного уровня, направленную на исследование практик взаимодействия между государствами и логики формирования в рамках социальных процессов международных норм и государственных идентичностей¹⁰⁴. Впервые выдвинута данная теория была в серии статей, опубликованных профессором в 2000-е годы¹⁰⁵. Законченный вид она получила в 2012 году с выходом монографии «Отношения и процесс»¹⁰⁶. Спустя шесть лет в 2018 году, благодаря публикации англоязычного издания,¹⁰⁷ идеи процессуального конструктивизма получили широкое распространение в международном исследовательском сообществе.

Появление процессуального конструктивизма связано во многом с критикой Цинь Яцином существующих теорий международных отношений. Подавляющее большинство наиболее распространенных на данный момент теоретических парадигм принадлежит к числу системных теорий. Приоритет в данных теориях отдается соответственно исследованию системного уровня международных отношений и анализу влияния структуры на поведение акторов и их идентичность. Как следствие, теории, такие как структурный реализм, неолиберальный институционализм и структуралистский конструктивизм, практически полностью упускают из внимания социальную природу международных отношений, создавая тем самым парадокс, в рамках которого отношения фактически остаются вне области исследований науки о международных отношениях. В связи с этим, главной задачей теории

¹⁰⁴ Qin Yaqing Relationality and processual construction: bringing Chinese ideas into international relations theory // *Social Sciences in China*. – 2009. – Vol. 30. - №4. – pp. 5-20.

¹⁰⁵ 秦亚青 关系本位与过程建构:将中国理念植入国际关系理论 [Цинь Яцин Отношения и процесс: привнесение китайских концепций в теорию международных отношений] // *中国社会科学*[Социальные науки Китая]. – 2009. - № 3. – pp. 69-86.

¹⁰⁶ 秦亚青 关系与过程:中国国际关系理论的文化建构 [Цинь Яцин Отношения и процесс: культурное конструирование китайской теории международных отношений] / 秦亚青 [Цинь Яцин]. - 上海人民出版社, 2012. – 274 p.

¹⁰⁷ Qin Yaqing A Relational Theory of World Politics / Yaqing Qin. - Cambridge University Press, 2018. - 390 p.

отношений можно считать возвращение анализа социальных взаимодействий в центр международных исследований. Решить ее Цинь Яцин предлагает с помощью синтеза отдельных положений теории социального конструктивизма, как наиболее внимательной к социальному измерению теории международных отношений, и элементов китайской философской традиции.

Применение философских концепций Древнего Китая направлено на раскрытие всей полноты аналитического потенциала, содержащегося в концепции отношений. Исследование социальных взаимодействий в рамках западных теорий международных отношений неминуемо оказывается ограниченным ввиду особенностей западного образа мышления, основанного на принципах рационализма и индивидуализма. Актор, с точки зрения западной философии, представляет собой независимую и самостоятельную единицу анализа. В рамках же конфуцианского мировоззрения, составляющего ядро теории отношений, индивидуальность не является его имманентной характеристикой. Возникает индивидуальность только в контексте принадлежности актора к той или иной группе, в соответствии с данной логикой, первостепенной характеристикой актора становится его положение в рамках структуры внутригрупповых связей. Следовательно, если главным метафизическим компонентом западной теории будет выступать рациональность, то в теории отношений данная роль отдана реляционности¹⁰⁸.

Теория отношений включает в себя несколько основных допущений. В первую очередь теории свойственно иное понимание системы международных отношений. Она определяется не как совокупность отдельных акторов, но как сумма взаимодействий между ними. Международная система в процессуальном конструктивизме – это, в первую очередь, разветвленная и сложная сеть отношений¹⁰⁹. В соответствии с данным определением, объектом для анализа в теории становится не отдельный актор, но отношения, в которых он состоит. Субъектность и идентичность акторы приобретают только в контексте этих связей. Проводя аналогию, акторов в западных теориях Цинь Яцин предлагает сравнивать с шахматными фигурами, еще до размещения на игровую доску обладающими определенными набором фиксированных характеристик. В то время как в рамках теории отношений они в большей степени напоминают камни, используемые при игре в вэйци, судить о которых можно только по их расположению относительно других камней на доске¹¹⁰.

¹⁰⁸ Nordin Astrid H. M., Smith G. M., Bunskoek R., Huang Chiung-chiu, Hwang Yih-jye (Jay), Thaddeus P.J., Kavalski E., Ling L. H. M., Martindale L., Nakamura M., Nexon D., Premack L., Qin Yaqing, Shih Chih-yu, Tyfield D., Williams E. Towards global relational theorizing: a dialogue between Sinophone and Anglophone scholarship on relationalism // Cambridge Review of International Affairs. – 2019. – Vol. 32. - № 5. – pp. 570-581.

¹⁰⁹ 秦亚青 世界政治的关系理论 [Цинь Яцин Теория отношений мировой политики] // 世界政治研究 [Исследования мировой политики]. – 2018. – Vol.2. - № 2. – pp. 30-46.

¹¹⁰ Qin Yaqing A Relational Theory of World Politics // International Studies Review. -2016. - № 18. – pp. 33–47.

Теория отношений, также как социальный конструктивизм, уделяет особое внимание исследованию идентичности. Механизм ее формирования связан в теории с еще одним ключевым понятием – процессом (过程, гочэн). Цинь Яцин определяет процесс, как регулярные взаимодействия, закрепленные в социальных практиках и производящие социальные смыслы¹¹¹. Существует и более простая трактовка понятия: процесс представляет собой отношения между акторами в динамике. Онтологическая ценность процесса не определяется его результатом. Вне зависимости от положительного или отрицательного итога существенно само наличие регулярных социальных контактов. Процесс обладает тремя обязательными характеристиками. Во-первых, связь между процессом и актором имеет симбиотическую природу. Процесс и актор находятся в отношениях взаимного конструирования. Процесс не может существовать без актора, в равной степени как актор не существует вне процесса. Во-вторых, процесс рождает интересубъективность. В его рамках создаются наборы социальных практик, необходимые для придания смысла интеракциям между акторами, а также происходит формирование идентичностей, национальных интересов, международных норм и коллективных эмоций. В-третьих, развитие процесса происходит в соответствии с китайской диалектикой изменений и инклюзивности.

Отображение международной системы в качестве сети динамичных отношений, существенно усложняет стоящие перед исследователем задачи, так как, на первый взгляд, в современной теории отсутствует методологический аппарат, который сможет позволить рассматривать отношения между акторами одновременно с точки зрения их собственной динамики и с точки зрения их взаимовлияния. Подобную методологию могут предоставить две эпистемологические концепции китайской философии, а именно мета-отношения и диалектика «срединного пути» (中庸, чжунюнь)¹¹². Метафизическая сущность всех отношений в китайской культуре представляет собой взаимодействие двух начал - инь и ян (阴阳). Несмотря на полярность данных категорий, их отношения, вопреки гегелевской диалектике, не являются конфликтными. Напротив, инь и ян гармонично сосуществуют, дополняя друг друга¹¹³. Принятие модель инь-ян за мета-отношения ведет к отказу от тезиса о естественности в международной системе состояния «войны всех против всех». Отправным пунктом исследований становится признание стремления к гармонии в качестве главной и неотъемлемой характеристики международных отношений. Мировое сообщество соответственно предстает

¹¹¹ 秦亚青 世界政治的关系理论 [Цинь Яцин Теория отношений мировой политики] // 世界政治研究 [Исследования мировой политики]. – 2018. – Vol.2. - № 2. – pp. 30-46.

¹¹² Qin Yaqing International Society as a Process: Institutions, Identities, and China's Peaceful Rise // The Chinese Journal of International Politics. – 2010. – Vol. 3. №2. – pp. 129–53.

¹¹³ 秦亚青 中国文化及其对外交决策的影响 [Цинь Яцин Влияние китайской культуры на внешнюю политику] // 国际问题研究 [Исследования мировой политики]. – 2011. - № 5. – pp. 21-33.

скорее в качестве процесса - «становления» - нежели объекта. Логика противостояния сменяется логикой инклюзивности. Многообразие отношений и идентичностей не рассматривается как предпосылка для конфликта, а их гомогенизация не выступает в качестве необходимого условия мира. Акторы, принадлежащие к разным культурным, идеологическим, религиозным и иным группам, в нормальных условиях мирно сосуществуют друг с другом. Многообразие норм, идентичностей и форм отношений только способствует гармонизации международных отношений, ввиду их комплементарного характера. Подобный подход отрицает возможность развития международных отношений по сценариям «столкновения цивилизаций» или же «конца истории».

Выше обозначенные положения теории отношений дают возможность аргументированно обосновать возможность мирного возвышения Китая. В западных теориях наиболее распространенными являются два сценария, по которым в будущем может развиваться китайское возвышение. В соответствии с первым КНР сможет бесконфликтно превратиться в доминирующее на международной арене государство, однако для этого стране понадобится полностью ассимилировать ценности либерального международного порядка. Во втором же случае мирную стратегию ожидает провал, и лидерские амбиции Китая смогут быть удовлетворены только за счет нового глобального конфликта. Источником подобных заключений служит, главным образом, убежденность в неизбежности конфликта китайской и западной идентичностей. Китайское общество являет собой альтернативную модель, которая на Западе воспринимается как несовременная. С точки зрения классической международной теории, при встрече двух полярных идентичностей единственный способ избежать конфликта – поглощение одной идентичности другой.

Однако если данную ситуацию рассмотреть через призму диалектики «инь-ян», то контрастность идентичностей не только не создает условий для столкновения, но, напротив, открывает новые возможности для взаимодействия. Зависимость между идентичностью и отношениями в данном случае является обратной: не идентичность определяет характер отношений, но процесс формирует идентичность. Потенциал конфликтности отношений, тем самым, зависит от намерений акторов и общей динамики процесса. Идентичность может принимать разные формы в зависимости от целей, преследуемых акторами в рамках процесса взаимодействия, что уже было продемонстрировано Китаем. Так, КНР кардинальным образом пересмотрела собственную идентичность для успешного осуществления политики реформ и открытости, требующего нормализации отношений с государствами мира¹¹⁴. В пользу мирного сценария возвышения говорит также особая стратегическая культура Китая. Возвышающееся

¹¹⁴ Qin Yaqing International Society as a Process: Institutions, Identities, and China's Peaceful Rise // The Chinese Journal of International Politics. – 2010. -Vol. 3. – pp. 129–153.

государство может обладать либо конфликтной культурой, либо культурой сотрудничества¹¹⁵. В виду того, что Китай принадлежит к последней категории, приоритетом его внешней политики всегда будет выступать построение взаимовыгодных сотруднических и партнерских отношений.

Анализируя внешнюю политику Китая на современном этапе, Цинь Яцин, прежде всего, подчеркивает преемственность курса Си Цзиньпина. По мнению ученого, внешнеполитическая стратегия страны не претерпела существенных изменений со времен Дэн Сяопина. Возросшая активность Китая на международной арене – следствие того, что страна уверенно продолжает курс мирного возвышения. Примечательно также, что в период активной дискуссии в академических и политических кругах КНР о необходимости сохранения принципа «держаться в тени» Цинь Яцин выступил в качестве одного из ярых его защитников. Аргументировал свою позицию ученый глубокими корнями принципа в китайской культуре¹¹⁶.

Оценивая программу XIX съезда КПК, профессор выделил четыре направления, сохранение баланса в которых должно стать приоритетом в китайской политике на настоящем этапе. Первое направление – сохранение баланса между мирным возвышением и политикой великой державы. Китаю необходимо с осторожностью подходить к использованию своего нового статуса в международной системе, так как государство по-прежнему существенно отстает от США по многим критериям. Также, осторожного балансирования требует участие КНР в глобальном управлении. Государству следует не допускать переоценки собственной совокупной мощи и перенапряжения ресурсов, однако, в то же время необходимо обеспечить видимое влияние Китая на формирование глобальной повестки и международных норм. Точку равновесия необходимо найти между национальными интересами и безопасностью страны, чтобы, с одной стороны, избежать дилеммы безопасности, а, с другой, реализовать коренные интересы государства без вреда для мирной стратегии. Наконец, прежнюю актуальность сохраняет для Китая вопрос сохранения баланса между внутренней и внешней политикой. Цинь Яцин полагает, что сохраняющему за собой статус развивающегося государства Китаю все еще необходимо приоритизировать экономическое развитие¹¹⁷.

¹¹⁵ 秦亚青 中华文化与新型国际关系 [Цинь Яцин Китайская культура и международные отношения нового типа] // 世界知识 [Мировой обзор]. – 2019. - № 1. – pp. 55-57.

¹¹⁶ 周兆军 专访秦亚青：十七大后中国外交将更重视多边舞台 [Чжоу Чжаоцзюнь Интервью с Цинь Яцином] [Электронный ресурс] // 中国共产党新闻网 [Новости КПК], 12.10.2017. – URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64093/64099/6369987.html> (дата обращения: 12.02.2020)

¹¹⁷ 秦亚青 十九大报告与中国外交的新时代 [Цинь Яцин Доклад 19-го съезда КПК и новая эра китайской дипломатии] // 亚太安全与海洋研究 [Исследования безопасности в АТР]. – 2018. - № 3. – pp. 1-4.

В качестве одной из отличительных черт системы международных отношений в настоящее время Цинь Яцин выделяет дефицит глобального управления¹¹⁸. Потенциальным способом ликвидировать данную проблему может стать интеграция принципов управления отношениями, лежащих в основе китайской культуры, в систему управления международными отношениями на основе норм, уходящую корнями в западную традицию. Комбинация реляционного и нормативного подхода – шаг на пути создания более эффективного и гуманного подхода к глобальному управлению¹¹⁹. Примеры правил, регулирующих отношения, можно найти во многих новых внешнеполитических проектах Китая, в частности, в концепциях «международных отношений нового типа» и «сообщества единой судьбы человечества». Так, например, концепция «отношений нового типа» направлена на построение открытых, справедливых и сбалансированных партнерских отношений, ориентированных на взаимовыгодное сотрудничество и обоюдный выигрыш во всех сферах, включая политику, экономику, безопасность и культуру. Данные концепции, в той же мере как центральная внешнеполитическая инициатива Китая, «Пояс и путь», отталкиваются от общности интересов всех международных акторов и зависимости реализации индивидуальных интересов от реализации коллективных, а, следовательно, отражают два принципа установления гармоничного мира - принцип «конфуцианского усовершенствования» (孔子改善, кунцзыгайшань) и принцип «идеала Мэн-Цзы» (孟子最优, мэньцзыцзуйю)¹²⁰.

Анализируя международные отношения, Цинь Яцин отказался от принципов рационализма и индивидуализма и обратился к китайской диалектике «срединного пути». Центральным понятием возникшей в результате теории отношений стала реляционность, играющая ключевую роль в китайском обществе на протяжении большей части его истории. Цинь Яцин не только в очередной раз обратил внимание исследователей на важность феномена отношений, но предложил также фундаментально новую трактовку их природы. В качестве прообраза всех социальных взаимодействий ученый принял модель инь-ян. Отношения данного типа характеризуются высоким уровнем комплементарности, взаимозависимости и толерантности, а система, на них основанная, как следствие, низким уровнем конфликтности. Привнесение аналогичной логики в современные международные реалии может позволить успешно избежать очередного глобального конфликта. Показательным в данной ситуации является анализ с точки зрения теории отношений китайского возвышения. Возвышающийся

¹¹⁸ Qin Yaqing Power Shift, Governance Deficit and a Sustainable Global // Economic and Political Studies. – 2013. - Vol.1. - № 1. – pp. 89-106.

¹¹⁹ Грачиков Е. Китайская теория международных отношений. Становление национальной школы // Международные процессы. –Т. 14. - № 3. - сс. 68-80.

¹²⁰ 秦亚青 中华文化与新型国际关系 [Цинь Яцин Китайская культура и международные отношения нового типа] // 世界知识 [Мировой обзор]. – 2019. - № 1. – pp. 55-57.

Китай ошибочно воспринимается как угроза для современного миропорядка. Существенные отличия китайской идентичности не нарушают гармонии в международной системе, напротив, активная вовлеченность современного Китая в мировую политику открывает новые возможности для усовершенствования системы за счет привнесения в нее норм управления отношениями, свойственными китайской культуре.

2.2 Моральный реализм

Янь Сюэтун – ведущий китайский международник, декан института современных международных отношений университета Цинхуа. Ученый входит в редакционную коллегию журнала «The Chinese Journal of International Politics», совместный издательский проект Оксфордского университета и Университета Цинхуа, а также является одним из немногих китайских специалистов, включенных в рейтинг ста наиболее влиятельных мировых мыслителей по версии издания «Foreign Policy». Янь Сюэтун входит в число наиболее часто публикующихся на английском языке китайских ученых, что во многом объясняет высокую цитируемость его теоретических разработок за рубежом. В основе разработанной им теории «морального реализма» (道义现实主义, даоисяньшичжуй) лежит тезис о моральном превосходстве внешней политики Китая, ориентированной на совместное решение проблем и построение гармоничного мира, над политикой существующего гегемона в лице США, до сих пор определяемой «блоковым мышлением»¹²¹. Основные положения теории были изложены в монографии на китайском языке «Смещение мировой власти: политическое лидерство и стратегическая конкуренция»¹²², выпущенной в 2015 году, а также двух англоязычных работах «Древнекитайская мысль и современная китайская власть»¹²³ и «Лидерство и подъем великих держав»¹²⁴.

Янь Сюэтун, как упоминалось ранее, скептически относится к созданию «китайской школы». Свои теоретические разработки он предпочитает классифицировать как одно из направлений в теории политического реализма. В соответствии с принципами реалистской парадигмы международные отношения рассматриваются ученым как анархичные по своей природе. Национальные интересы определяются моральным реализмом как объективная категория, подверженная, однако, влиянию социальных представлений, что немного сближает теорию с конструктивизмом. Главным приоритетом всех государств является обеспечение собственной безопасности, однако для государства-лидера и возвышающегося государства, безопасность которых редко находится под угрозой, гораздо большее значение будет иметь борьба за перераспределение власти. Соперничество за власть представляет игру с нулевой

¹²¹ Кривохиж С., Соболева Е. Древность на службе современности: теория морального реализма Янь Сюэтуна и будущее мирового порядка // Мировая экономика и международные отношения. -2017. - Т. 61. - № 1. - сс. 76-84.

¹²² 阎学通 世界权力的转移：政治领导与战略竞争 [Янь Сюэтун Смещение мировой власти: политическое лидерство и стратегическая конкуренция] / 阎学通 [Янь Сюэтун]. - 北京大学出版社 [Издательство Пекинского университета], 2015. - 296 p.

¹²³ Yan Xuetong Ancient Chinese Thought, Modern Chinese Power / Yan Xuetong // Edited by Daniel A. Bell Sun Zhe. - Princeton University Press, 2011. - 320 p.

¹²⁴ Yan Xuetong Leadership and the Rise of Great Powers / Yan Xuetong . - Princeton University Press, 2019. - 280 p.

суммой. Любое изменение силового баланса отражается на политике стран, что, в конечном итоге, делает конфликт между доминирующим государством и возвышающейся державой неизбежным¹²⁵.

Сила, согласно теории, имеет релятивистский характер. Вычислить условное ее значение можно по формуле $CP = (M + E + C) * P$, где CP – это комплексная мощь, M – военная сила, E – экономическая сила, C – культурная сила и P – политическая сила. Как видно из формулы, комплексная мощь государства задается двумя категориями элементов: ресурсы и политическая сила. Ресурсы включают в себя условно «жесткую» и «мягкую» силу государства. Вне зависимости от их величины, однако, определяющая роль в формуле принадлежит политической силе. Иными словами, лидерский потенциал государства в международной системе будет определяться не только и не столько его экономической, военной и культурной мощью, сколько желанием следовать за ним со стороны мирового сообщества¹²⁶.

Анализ природы политической силы можно рассматривать в качестве главного вклада «морального реализма» в теорию международных отношений. С целью исследования механизмов ее приобретения, сохранения и потери Янь Сюэтуна обращается к внешнеполитическому опыту древнего Китая. В качестве источника для вдохновения ученым была выбрана эпоха Восточной Чжоу – промежуток китайской истории с 770 г. до н.э. до основания империи Цинь в 221 г. до н.э., включающий в себя периоды «Весен и Осеней» и «Сражающихся царств». На протяжении данного временного отрезка Китай находился в состоянии внутренней раздробленности и постоянных междоусобных конфликтов. Как следствие, эпоха предоставляет богатый эмпирический материал для изучения политики государств в условиях анархии и борьбы за власть и многими китайскими учеными рассматривается как модель современных международных отношений. В основе аналитического аппарата теории «морального реализма» лежит широкий спектр философских течений, зародившихся на территории Китая в данный период, включая конфуцианство, моизм, даосизм и легизм. Среди отдельных мыслителей особое место в работах Янь Сюэтуна занимают Конфуций, Сюнь-Цзы, Лао-Цзы, Мо-Цзы, Чжуан-Цзы, Гуань Чжун и Хань Фэй-Цзы¹²⁷.

Несмотря на неоднородность данных направлений, им свойственно общее убеждение в тесной зависимости между состоянием международной системы и степенью моральности. Чем

¹²⁵ Yan Xuetong *New Values for New International Norms* // *China International Studies*. - 2013. - Vol. 38. - № 1. - pp. 15–28.

¹²⁶ Yan Xuetong *Xun Zi's Thoughts on International Politics and Their Implications* // *Chinese Journal of International Politics*. – 2008. - № 2. – pp. 135–165.

¹²⁷ 阎学通 先秦国家间政治思想的异同及其启示 [Янь Сюэтуна Доциньские размышления о природе международных отношений и открытия, которые они несут] // *中国社会科学* [Социальные науки Китая]. – 2009. - №3. – pp. 87-108.

большую роль в системе играет мораль и чем более гуманной является политика системного лидера, тем более стабильной и процветающей становится система. Степень гуманности политического курса определяет также дальнейшую судьбу самого лидера – возвышение или упадок. Опираясь на трактат Сюнь-цзы, Янь Сюэтун предлагает выделять три типа лидерства в зависимости от степени моральности:

1. Гуманное правление (ванцюань, 王权);
2. Гегемония (бацюань, 霸权);
3. Тирания (цянциюань, 强权)¹²⁸.

Наиболее стабильной и неконфликтной является система, основанная на гуманном правлении, характерной чертой которой является опора лидера-вана исключительно на средства морали и этики. Наихудшей же системой – тирания, управление в которой осуществляется путем силового и экономического принуждения. Гегемонии свойственен средний уровень моральности. Потенциально она может быть преобразована в систему гуманного правления, для этого необходимо, чтобы иерархические отношения в ее основе приобрели взаимовыгодный и открытый характер. К типу гегемонии, по мнению Янь Сюэтун, относится современная система международных отношений. Стоит отметить, что в определенной степени типология Сюнь-цзы соотносится с тремя типами культур анархии: кантонианской, локкианской и гоббсианской.

Исследование доциньской политической мысли приводит Янь Сюэтун к заключению, что наиболее прочной основой для политического лидерства является мораль. Ученый не дает точного определения данному понятию, однако предлагает относить его к нормам, на практике разделяемым и соблюдаемым всем международным сообществом. Янь Сюэтун подчеркивает, что мораль не имеет ничего общего с попытками обосновать военную агрессию или экспортом демократии и рыночных ценностей. Моральным или гуманным можно считать такого лидера, который в соответствии с конфуцианским канонам правителя, своим приоритетом видит процветание и развитие всей системы. Восприятие морали в теории в определенной степени выходит за рамки классического реализма. Так, например, согласно ее положениям мораль играет значимую роль в повышении совокупной национальной силы. Влиять на силу мораль может двумя способами. Во-первых, соблюдение норм морали обеспечивает легитимность действий государства на международной арене. Легитимность означает повышение политической власти, что, в свою очередь, согласно представленной выше формуле имеет результатом повышение совокупной мощи государства без непосредственного увеличения его

¹²⁸ Yan Xuetong Xun Zi's Thoughts on International Politics and Their Implications // Chinese Journal of International Politics. – 2008. - № 2. – pp. 135–165.

материальной силы. Во-вторых, моральность внешнеполитических решений легитимирует политику наращивания национальной силы государства и повышение его международного статуса. Еще одним отступлением теории от реализма является тезис, согласно которому мораль не только не ограничивает национальные интересы государства, но, напротив, способствует их реализации. В частности, националистическая политика, негуманная с традиционной точки зрения, в свете теории морального реализма рассматривается как моральная, при условии, что проводится гуманным лидером¹²⁹.

Переходя к рассмотрению в теории морального реализма вопроса возвышения Китая, в первую очередь необходимо обратить внимание на предлагаемую Янь Сюэтуном классификацию политических лидеров с точки зрения их внешнеполитической стратегии. Ученый выделяет следующие четыре категории государств:

1. **Пассивный лидер.** Лидер данного типа предпочитает жертвовать собственными стратегическими интересами в интересах сохранения стабильности. Возвышающаяся держава в рамках такой политики будет игнорировать «дилемму возвышения», всячески избегая конфликтов и условно придерживаясь даосского принципа «недеяния»;
2. **Консервативный лидер.** Политику данного лидера отличает экономический детерминизм. Приоритетным национальным интересом выступает развитие экономических и торговых связей. Конфликты, спровоцированные возвышением, лидер данного типа будет стремиться преодолеть, используя экономическую кооперацию;
3. **Активный лидер.** Политика активного лидера направлена на наращивание национальной мощи и поддержку возвышения государства. Главный инструмент политики - создание сети стратегических союзов;
4. **Агрессивный лидер.** Агрессивные лидеры делают ставку на военную силу, их внешнюю политику отличает оппортунизм. Крупный конфликт при проведении возвышающейся державой подобной политики неизбежен¹³⁰.

Под «возвышением» Янь Сюэтуном подразумевает возвращение статуса наиболее развитого на мировой арене государства, которым Китай уже обладал в период правления императора Тай-цзуна династии Тан (627 – 649 гг. н.э.). В переносе на современные реалии главная цель «возвышения» - ликвидация отрыва от США в уровне совокупной национальной мощи. Главное условие победы Китая в стратегическом соревновании с США – проведение

¹²⁹ Yan Xuetong Ancient Chinese Thought, Modern Chinese Power / Yan Xuetong // Edited by Daniel A. Bell Sun Zhe. - Princeton University Press, 2011. - pp. 86–88.

¹³⁰ Yan Xuetong Political Leadership and Power Redistribution // The Chinese Journal of International Politics. – 2016. - Vol. 9. - № 1. – pp. 1-26.

активной политики морального лидерства¹³¹. В соответствии с рассмотренными выше классификациями данный тезис означает, что внешняя политика Китая на современном этапе должна отличаться двумя свойствами: обладать высокими моральными характеристиками и активно способствовать росту национальной совокупной мощи.

Успешная реализация подобной политики в условиях ограничений, накладываемых на Китай принципом «держаться в тени», представляется маловероятной, ввиду чего отказ от заветов Дэн Сяопина получает в работах Янь Сюэтуна преимущественно положительную оценку¹³². По мнению ученого, принцип «держаться в тени» внес существенный вклад в развитие Китая, обеспечивая необходимое стране мирное окружение. В настоящее время, однако, Китай обладает статусом второго государства в международной системе и стоит на пороге приобретения статуса супердержавы. Дальнейшее следование принципу теряет смысл, так не только не способствует реализации текущих национальных интересов, но и, вопреки распространенному мнению, уже не может гарантировать отсутствие конфликта с США. Выдвинутый Си Цзиньпином внешнеполитический лозунг «стремиться к достижениям» в гораздо большей степени соответствует первостепенному национальному интересу современного Китая - «великому возрождению китайской нации».

Смена внешнеполитической парадигмы открыла для Китая возможность ликвидировать несоответствие реальной мощи страны степени ее вовлеченности в международную политику. На практике «стремиться к достижениям» для КНР означает большую международную ответственность, расширение участия страны в предоставлении глобальных общественных благ, а также активное продвижение собственных внешнеполитических проектов¹³³. Превращение Китая в гуманного лидера невозможно без повышения авторитета государства и уровня доверия к нему со стороны международного сообщества. Внешнеполитические проекты Китая последних лет направлены непосредственно на решение данной задачи. Так, например, инициатива «Пояс и Путь» демонстрирует странам мира возможность получать значительные выгоды от китайского экономического развития. Концепции «международных отношений нового типа» и «сообщества единой судьбы человечества», в свою очередь, свидетельствуют о стремлении Китая обеспечивать взаимовыгодность, справедливость и гармоничность международных отношений. Правительству государства, по мнению Янь Сюэтуна, однако,

¹³¹ Zhang Feng, Tsinghua Approach and the Inception of Chinese Theories of International Relations // Chinese Journal of International Politics. – 2012. - Vol. 5. - № 1. - p. 73-102.

¹³² Yan Xuetong From Keeping a Low Profile to Striving for Achievement // The Chinese Journal of International Politics. – 2014. - Vol. 7. - № 2. – pp. 153–184.

¹³³ 阎学通 外交转型、利益排序与大国崛起[Янь Сюэтун Трансформация дипломатии, упорядочивание интересов и возвышение великих держав] // 战略决策研究[Исследования стратегической политики]. – 2017. - № 3. – pp. 4-11.

необходимо с осторожностью подходить к оценке внешнеполитического потенциала КНР. Новая стратегия, выраженная в дипломатических идеях Си Цзиньпина, решает проблему недооценки КНР собственной мощи, но создает опасность ее преувеличения, что также может негативно отразиться на процессе возвышения. Поскольку Китай следует за США в рейтинге силы, то он не должен брать на себя ответственность, превышающую американскую¹³⁴. В связи с этим, ученый, в частности предлагает сузить масштабы многих китайских проектов до регионального уровня.

Современная внешнеполитическая стратегия Китая в значительной мере удовлетворяет первому условию «возвышения», а именно обладает высокими моральными характеристиками, в то же время, она идет вразрез со вторым критерием. Обязательным свойством активного лидерства является создание сети стратегических союзов. Тем не менее, официальной позицией КНР по данному вопросу по-прежнему остается отказ от союзнических отношений в пользу установления сети стратегических партнерств (结伴而不结盟, цзебаньэрбуцземэн). Янь Сюэтунь является одним из наиболее активных критиков данной политики. Ученый отмечает, что ни одной великой державе в истории не удавалось возвыситься без опоры на союзников. Отказ от союзов – политика слабого государства, которая для Китая может только создать дополнительные риски в сфере безопасности¹³⁵. Незаключение союзов, к тому же, способствует росту опасений перед «китайской угрозой», так как воспринимается многими китайскими соседями как нежелание предоставлять гарантии безопасности¹³⁶. Одним из государств, союз с которым, по мнению ученого, необходим Китаю, является, в частности, Россия. Цели РФ и КНР на международной арене разнятся, что исключает возникновение конфликта интересов. Государства при этом одинаково заинтересованы в трансформации однополярной системы во главе с США в многополярную, чего будет крайне сложно добиться без тесного сотрудничества¹³⁷.

Теория морального реализма объединяет в себе положения реалистской парадигмы с представлениями о гуманном правлении, составляющими ядро китайской политической философии. Мораль в теории, с одной стороны, играет роль катализатора роста совокупной

¹³⁴ 阎学通 外交转型、利益排序与大国崛起[Янь Сюэтунь Трансформация дипломатии, упорядочивание интересов и возвышение великих держав] // 战略决策研究[Исследования стратегической политики]. – 2017. - № 3. – pp. 4-11.

¹³⁵ 阎学通 历史的惯性[Янь Сюэтунь Инерционность истории] / 阎学通 [Янь Сюэтунь]. - 中信出版社 [Издательство Китайской международной трастовой и инвестиционной корпорации], 2013. – p. 154.

¹³⁶ 阎学通 俄罗斯可靠吗 [Янь Сюэтунь Надежна ли Россия?] // 国际经理评论 [Международный экономический обзор]. – 2012. - № 6. – pp. 21–25.

¹³⁷ 阎学通 从韬光养晦到奋发有为. 中国崛起势不可挡 [Янь Сюэтунь От политики «держаться в тени» до политики «стремиться к достижениям». Китайское возвышение неизбежно] // 中国经济周刊 [Китайский экономический еженедельник]. – 2013. - № 43. – pp. 44-47.

национальной мощи государства, а, с другой стороны, выступает гарантом стабильности и процветания международной системы. Вопрос возвышения КНР в работах Янь Сюэтуна рассматривается скорее не с точки зрения транзита власти, но с точки зрения трансформации системы гегемонии в систему гуманного правления, в которой Китай возьмет на себя полномочия лидера-вана. Корректировка внешнеполитического курса государства в сторону большей активности является в данном свете единственно правильным шагом. Дипломатические проекты Си Цзиньпина позволяют достаточно успешно демонстрировать моральное превосходство политики Китая, в особенности в сфере экономики. Тем не менее, государству следует пересмотреть свой подход к предоставлению такого общественного блага как безопасность, в частности, за счет отказа от политики незаключения союзов.

2.3 Система «Тянься»

К представителям «пекинской школы» китайской теории международных отношений относят также сотрудника Института философии Китайской академии общественных наук Чжао Тиняна. Ученому принадлежит заслуга переосмысления традиционной китайской политической концепции «Тянься» («Поднебесная») с ее последующим применением для анализа современной системы международных отношений. Известность в научных кругах ученому принесла публикация в 2005 году монографии «Система ‘Тянься’: введение в философию мировых институтов»¹³⁸, идеи которой были впоследствии более подробно раскрыты в изданиях «Исследования плохого мира»¹³⁹ 2009 года, а также «Современность системы ‘Тянься’»¹⁴⁰ 2016 года. Основные положения теории были опубликованы также на английском языке в серии статей¹⁴¹ и монографии «Переосмысление философии мирового управления»¹⁴², выпущенной в 2019 году.

Концепция «Тянься» (天下) играет центральную роль в политической философии Китая. Ее возникновение относится к доциньскому периоду китайской истории. Впервые упоминается «Поднебесная» в трактатах «Книга истории» («Шуцзин») и «Книга песен» («Шицзин»), входящих в конфуцианский канон «Пятикнижие». Исторически наиболее близко к системе «Поднебесной» Китай был в период династии Чжоу. «Тянься» не является на практике существовавшей формой политического устройства, но скорее представляет собой идеальную политическую модель, на протяжении тысячелетий развиваемую и совершенствуемую китайскими философами. Опираясь на труды таких представителей китайской мысли, как Конфуций, Мэн-Цзы, Лао-Цзы и Сюнь-Цзы, Чжао Тинян предлагает собственное модернизированное толкование концепции «Поднебесной». В своих ранних работах ученый определяет «Поднебесную» как наиболее совершенную идею империи. Всего, по мнению Чжао Тиняна, в мировой истории можно выделить несколько видов империй. Первая имперская разновидность – империя римского типа, построенная на военной экспансии. Вторая – империя

¹³⁸ 赵汀阳 天下体系:世界制度哲学导论 [Чжао Тинян Система ‘Тянься’: введение в философию мировых институтов] / 赵汀阳 [Чжао Тинян]. - 南京江苏教育出版社, 2005. – 160 p.

¹³⁹ 赵汀阳 坏世界研究: 作为第一哲学的政治哲学 [Чжао Тинян Исследования плохого мира: политическая философия как первая из философий] / 赵汀阳 [Чжао Тинян]. – 北京; 人民大学出版社, 2009. – 366 p.

¹⁴⁰ 赵汀阳 天下的当代性 [Чжао Тинян Современность системы ‘Тянься’] / 赵汀阳 [Чжао Тинян]. – 中信出版社, 2016. – 283 p.

¹⁴¹ Zhao Tingyang Rethinking Empire from a Chinese Concept ‘All-under-Heaven’ (Tian-xia, 天下) // Social Identities. – 2006. -Vol. 12. - № 1. - pp. 29 -41; Zhao Tingyang The “China Dream” in Question // Economic and Political Studies. – 2014. - Vol. 2. - № 1. – pp. 127-142; Zhao Tingyang A political world philosophy in terms of all-under-Heaven (Tian-xia) // Diogenes. - 2009. - № 221. – pp. 5–18.

¹⁴² Zhao Tingyang Redefining A Philosophy for World Governance: Key concepts in Chinese thought and culture / Tingyang Zhao. - Springer, 2019. – 68 p.

британского типа, определяющими характеристиками которой служат национализм, империализм и колониализм. Третий тип империи, к которому принадлежит современная система международных отношений, - американская империя¹⁴³, отличающаяся переходом имперского контроля от открытой формы к скрытой. Ввиду активного вовлечения империи в формирование системных правил, империи данного типа присущ высокий уровень нестабильности и хаоса. Альтернативной ей идеей империи выступает модель мирового управления, основанная на концепции «Поднебесной».

Необходимо отметить, что в более поздних работах Чжао Тинян избегает трактовки «Тянься» через призму понятия империя, отмечая, что имперский порядок не отвечает современным тенденциям в эволюции системы международных отношений. Для интерпретации концепции «Поднебесной» необходимо рассмотреть три основных компонента, лежащих в ее основании. В первую очередь «Тянься» - это в буквальном смысле все, что находится под небесами, то есть весь физический мир. Территориально «Поднебесную» невозможно свести к границам ни одного из национальных государств. Второй и наиболее значительный компонент «Тянься» - ее добровольное признание со стороны населения. Установление «Поднебесной» требует приобретения не только территории, но и «сердец народа» (民心, миньсинь). Объясняя данное измерение «Поднебесной», Чжао Тинян приводит следующую цитату Сюнь-Цзы: «Заполучить Поднебесную – это не просто заполучить земли от народа, принужденного их отдать, но удовлетворить народ праведным правлением»¹⁴⁴. Народ должен искренне поддерживать идею «Поднебесной», ассоциируя собственное благополучие с благополучием всей системы. Наконец, с политической точки зрения, «Поднебесная» представляет собой мировую систему управления, характеризующуюся высоким уровнем гармонии и порядка, триединством природного, социального и политического миров.

В основании модели «Поднебесной» лежит отказ от интерпретации политики в терминах индивида и национального государства, свойственной западной политической философии. Ключевое свойство системы «Тянься» - мировость (世界性, шицзесин), восприятие международной системы как неделимого единого целого, но не совокупности отдельных акторов. Логическую цепочку управления в «Поднебесной» можно представить следующим образом: мир – государство – индивид. Интересы мира, соответственно, доминируют над интересами отдельных стран и, тем более, над интересами индивидов. Политический порядок устанавливается всегда от мира в целом через государство к индивиду, а этический, напротив, от индивида к миру. Принцип политического суверенитета, лежащий в основе современных

¹⁴³ Hardt M., Negri A. Empire / M. Hardt, A. Negri. - Harvard University Press, 2001. - 496 p.

¹⁴⁴ Цит. по Zhao Tingyang Rethinking Empire from a Chinese Concept 'All-under-Heaven' // Social Identities. - 2006.- Vol. 12. - № 1. - pp. 29 -41.

международных отношений, в рамках системы «Тянься» теряет свое первостепенное значение. Национальный суверенитет способствует реализации интересов отдельных государств, но, в то же время, служит препятствием для решения общемировых проблем. Как следствие, в современной системе, например, можно успешно решить проблемы национальной безопасности, однако, динамика в сфере достижения международного мира по-прежнему остается негативной¹⁴⁵.

Анархия и конфликтность не являются, по мнению Чжао Тиняна, естественным состоянием международной системы. Причина возникновения конфликтов и противоречий - не природа человека, но неправильно регулируемые отношения между акторами. Несостоявшимися являются не отдельные государства, но мир как таковой. Таким образом, концепции также свойственен релятивизм и акцент на онтологии отношений вместо онтологии вещей. Установление «Тянься» означает установление системы, основанной на общих ценностях и направленной на реализацию разделяемых всеми акторами интересов. Кооперация в системе осуществляется на добровольных началах. Акторы самостоятельно выбирают сферы и степень взаимодействия. С точки зрения возможности присоединения к системе, «Тянься» принадлежит к категории систем открытого типа. Система имеет потенциал для бесконечного расширения. Интегрироваться в нее могут все акторы, вне зависимости от их идеологии, политического устройства, конфессиональной принадлежности или других особенностей. «Поднебесная» характеризуется максимальным уровнем инклюзивности и толерантности. Система поощряет и охраняет разнообразие. В соответствии с принципами китайской диалектики противоположности в рамках «Поднебесной» гармонично сосуществуют, образуя единство разностей. Высокий уровень инклюзивности системы предопределяет также отсутствие негативного отношения к акторам вне ее пределов. Отношения с внесистемными игроками строятся на принципах мирного сосуществования¹⁴⁶. Ни внутри системы, ни вне ее границ, таким образом, не существует изгоев или дискриминируемых государств.

Лидер системы «тянься» - в китайской терминологии «сын Неба» (天子, тяньцзы) - в отличие от других международных теорий определяется не набором определенных характеристик, как, например, совокупной силой, но особенностями своего поведения. Лидера системы отличает обладание упомянутым ранее «сердцем народа». Легитимация власти или получение «небесного мандата» может носить двухуровневый характер. Легитимность может быть получена путем создания «Тянься», то есть спасения людей от хаоса международной

¹⁴⁵ 赵汀阳 天下秩序的未来性[Чжао Тинян Будущность системы «Тянься»] // 探索与争鸣[Исследования и дискуссии]. – 2015. - № 11. – 7-22 pp.

¹⁴⁶ Zhao Tingyang Redefining A Philosophy for World Governance: Key concepts in Chinese thought and culture / Tingyang Zhao. - Springer, 2019. – p. 32.

системы, не являющейся «Поднебесной», или же гуманным правлением - заботой о благосостоянии и интересах народа. Потенциально стать центром «Поднебесной» может любое из государств, придерживающееся истинного и праведного пути (道, дао). Позиция «сына Неба» не совпадает с позицией, занимаемой в других системах государством-диктатором или супердержавой. Легитимность «сына неба» не абсолютна. Лидер, неспособный поддерживать систему в состоянии гармонии, теряет «небесный мандат», который переходит к более достойному государству.

Обобщить концепцию «Тянься» можно с помощью следующих конституционных принципов:

1. Абсолютная инклюзивность (无外, вувай), отсутствие понятия «другого»;
2. Холистический подход: перенесение центра анализа с отдельных акторов на мир в целом;
3. Действие принципа «конфуцианского усовершенствования» (孔子改善, кунцзыгайшань): реализация интересов одного игрока всегда будет иметь положительный эффект на реализацию интересов другого¹⁴⁷.

Заметное место в концепции «Поднебесной» занимает критика современного международного порядка и лежащих в его основе принципов западной политической философии. Так, по мнению Чжао Тиняна, принцип рационального индивидуализма, в особенности в условиях стремительно глобализирующегося мира, только способствует созданию конфликтной среды. Современному миру свойственно наличие множества глобальных проблем, для решения которых требуется мировоззрение, присущее исключительно системе «Тянься», а именно «мировость». Правила современной системы не являются одинаково выгодными для всех акторов, отдавая приоритет своим создателям в лице США и Европы¹⁴⁸. Критике ученый подвергает попытки насадить государствам определенную политическую систему, а также демократию, в целом. Негативная оценка дается системе глобального управления в лице ООН. ООН, по мнению Чжао Тиняна основа на двух конфликтующих принципах – универсализме и плюрализме. Урегулирование глобальных конфликтов и решение глобальных проблем в рамках ООН невозможно, так как это, прежде всего, межгосударственная структура, но не структура мирового управления¹⁴⁹.

¹⁴⁷ 赵汀阳 天下:在理想主义和现实主义之间 [Чжао Тинян «Поднебесная»: между реализмом и идеализмом] // 探索与争鸣 [Исследования и дискуссии]. - 2019. - № 9. – pp. 100-109.

¹⁴⁸ 赵汀阳 从国家、国际到世界: 三种政治的问题变化 [Чжао Тинян От семьи и международных отношений до мира: три изменения в политических вопросах] // 哲学研究 [Исследования философии]. - 2009. - № 1. – pp. 89-95.

¹⁴⁹ Zhao Tingyang Rethinking Empire from a Chinese Concept 'All-under-Heaven' // Social Identities. - 2006.- Vol. 12. - № 1. - pp. 29 -41.

Чрезмерная критичность Чжао Тиняна по отношению к западной системе и прослеживаемая убежденность философа в превосходстве китайских политических концепций имеет отрицательные последствия для оценки его идей научным сообществом¹⁵⁰. Тремя наиболее часто критикуемыми аспектами концепции «Тянься» является синоцентричность, противопоставление китайского и неазиатского миров, а также недостоверная интерпретация текстов и исторического материала¹⁵¹. Несмотря на то, что Чжао Тинян ни разу напрямую не выделил Китай в качестве будущего центра «Поднебесной», предъявляемый к лидеру набор требований, в особенности наличие особого философского мировоззрения, основанного на идее «мировости», фактически исключает любое другое государство из списка претендентов. В этом контексте особый интерес представляет рецензия Чжао Тиняна на монографию С. Бабонса «Американская «Поднебесная»». Бабонс заимствует концепцию «Тянься», однако, наиболее вероятным лидером подобной системы рассматривает США. Чжао Тинян отрицает возможность осуществления подобного сценария, приводя в качестве аргумента несоответствие политических ценностей США идее «Тянься»¹⁵², что противоречит его тезису о том, что потенциальным лидером может стать любой актер, принимающий определенную модель поведения.

Для того чтобы понять, каким образом система «Тянься» может из теоретической концепции превратиться в объективную реальность, Чжао Тинян обращается к понятию «имитационного теста». Имитационный тест представляет собой игру, отражающую анархичную природу современных международных отношений. В рамках данной игры каждый из игроков стремится максимизировать собственную выгоду за счет применения разных стратегий. Наиболее удачная стратегия через определенный промежуток времени начинает копироваться другими игроками системы, до тех пор пока она не будет использоваться всеми игроками и, следовательно, потеряет свою эффективность. На этом этапе игра вступает в следующую стадию – поиск новой стратегии¹⁵³. В основе имитационного теста лежит принцип индивидуалистской рациональности. В системе «Тянься» его сменяет принцип реляционной рациональности. Выигрыш одного игрока автоматически перестает быть проигрышем другого. Следовательно, игрокам становится выгоднее реализовывать коллективные интересы.

¹⁵⁰ Chang Chishen Tianxia system on a snail's horns // *Inter-Asia Cultural Studies*. – 2011. – Vol. 12. - №1. – pp. 28-42.

¹⁵¹ 赵汀阳 天下体系的一个简要表述[Чжао Тинян Краткое изложение системы «Тянься»] // *世界经济与政治* [Мировая политика и экономика]. – 2008. - №10. – pp. 57- 65.

¹⁵² 赵汀阳 天下究竟是什么.兼回应塞尔瓦托·巴博纳斯的“美式天下”[Чжао Тинян Что такое «Тянься». Ответ «американской Поднебесной» С. Бабонса] // *Social Sciences Digest*. – 2018. - № 6. – pp. 23-26.

¹⁵³ Zhao Tingyang Can this ancient Chinese philosophy save us from global chaos? // *The Washington Post* 07.04.2018 [Electronic resource] – URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldpost/wp/2018/02/07/tianxia/> (дата обращения: 05.03.2020)

Концепция «Поднебесной» наименее из всех теорий «пекинской школы» пригодна для прикладных исследований современных международных отношений. Концепция фактически не имеет собственного аналитического инструментария и представляет скорее новый способ размышления о международных отношениях. Чжао Тинян в своих работах не дает прямых оценок китайской внешней политике. Тем не менее, невозможно не заметить общность некоторых внешнеполитических инициатив современного Китая и положений концепции. Так, например, как инициативе «Пояс и путь», так и концепции «сообщества единой судьбы человечества», в теории свойственна неотъемлемая характеристика «Гянься» - мировость. Обе инициативы позиционируются в первую очередь не с точки зрения выгод для самого Китая, но с точки зрения развития и процветания мировой системы, то есть следуют логике реляционной рациональности. КНР фактически является единственным государством, когда-либо приближавшимся к состоянию «Поднебесной», и единственным государством, разделяющим все принципы подобной системы. Все вышеперечисленное делает Китай наиболее вероятным кандидатом на запуск нового цикла игры в имитацию, результатом которого может стать формирование «Поднебесной».

Несмотря на формальную принадлежность к одному течению КТМО теории «пекинской школы» имеют между собой весьма мало общего. Единственной точкой их соприкосновения является использование концепций традиционной культуры Китая. Как Цинь Яцин, так и Янь Сюэту и Чжао Тинян в попытке продемонстрировать потенциал анализа международных отношений, содержащийся в китайской политической философии, обращаются к доциньскому периоду истории государства. Работая с одним хронологическим периодом и преимущественно одинаковыми философскими трактатами, ученые, тем не менее, создали три совершенно независимые теории. Исследования Янь Сюэтуна сфокусированы на периоде поздней Чжоу и, главным образом, направлены на объяснение логики возвышения и упадка государств в условиях международной анархии. «Поднебесная» Чжао Тиняна, напротив, уходит корнями в период ранней Чжоу и представляет собой форму идеального гармоничного мироустройства. Цинь Яцин, в свою очередь, в меньшей степени заинтересован в поиске эмпирического подтверждения или опровержения конфликтной природы международных отношений. Ученого, главным образом, интересуют лежащие в основе китайского образа мышления принципы диалектики инь-ян и реляционности.

Теории значительным образом разнятся по степени взаимодействия с западными ТМО. Так, моральный реализм официально является направлением в теории политического реализма, теория отношений позиционируется в качестве самостоятельного теоретического направления, однако, ощутимо пересекается с социальным конструктивизмом, концепция же «Поднебесной» отличается практически абсолютной самобытностью. Среди пунктов расхождений теорий

можно также отметить естественное состояние международной системы, соотношение роли материальных и нематериальных факторов, причины возникновения конфликтов и способы их урегулирования. Оценка внешней политики современного Китая в теориях «пекинской школы» также неодинакова, однако, в меньшей степени, чем этого можно было бы ожидать от столь разных теоретических подходов. Теории, в целом, положительно оценивают активизацию китайской внешней политики и перспективы лидерства страны на международной арене. В то же время, если теория отношения предлагает более умеренный и осторожный подход к формированию внешнеполитического курса, основанный на необходимости придерживаться политики мирного возвышения, то моральный реализм, напротив, отталкивается от наступления в китайской дипломатии новой эпохи, характеризуемой активной борьбой за место системного лидера.

ГЛАВА 3. Шанхайская школа

3.1 Парадигма социальной эволюции

Кардинальным образом от рассмотренных ранее концепций отличаются теоретические разработки представителя «шанхайской школы» КТМО профессора Фуданьского университета Тан Шипина. Ученый полностью отказывается от опоры на китайскую философию и историю. Предпочтительным по отношению к созданию национальной школы способом обеспечить интеграцию китайских специалистов в международные исследования ученый видит развитие глобальной ТМО¹⁵⁴. По мнению Тан Шипина, использование в качестве эмпирической базы исключительно истории одного общества, не зависимо от того будет ли это общество Китая, США или Европы, отрицательно отражается на развитии дисциплины, требующей компаративистики и универсальности¹⁵⁵. Свои исследования ученый публикует преимущественно на английском языке. Так, наиболее известные монографии Тан Шипина - «Общая теория институциональных преобразований»¹⁵⁶ и «О социальной эволюции»¹⁵⁷ - не имеют китайских переводов.

Основным вкладом Тан Шипина в развитие теории международных отношений стало выдвижение парадигмы социальной эволюции (社会进化论范式, шэхуэйцзиньхуалуньфаньши). Основываясь на широком спектре дисциплин, включая антропологию, социологию, экономику, политологию, философию и эволюционную биологию, ученый дает собственное объяснение процессу развития международного сообщества. В статье «Социальная эволюция международной политики: от Миршаймера к Джервису» Тан Шипин называет главной функцией парадигмы социальной эволюции предоставление эндогенного объяснения системной трансформации международной политики с помощью эволюционного подхода¹⁵⁸. Параллельно парадигма способствует разрешению дебатов между двумя направлениями в ТМО – наступательным и оборонительным реализмом.

¹⁵⁴ Tang Shiping Practical Concerns and Power Considerations Practical Concerns and Power Considerations // International Studies Review. – 2016. - Vol.18. - Issue 1. – pp. 162–163.

¹⁵⁵ 唐世平：寻求国际关系理论突破 - 将中国作为一个支点 [Тан Шипин: в поисках прорыва в теории международных отношений – Китай как одна из будущих точек опоры] // 中国社会科学报 [Журнал социальных наук Китая] [Электронный ресурс] 13.01. 2012 - URL: http://scho.cssn.cn/xr/xr_rw/xr_rwxl/201310/t20131026_609875.shtml?COLLCC=1175434881& (дата обращения: 01.03.2020)

¹⁵⁶ Tang Shiping A General Theory of Institutional Change / Shiping Tang . – Routledge, 2010. – 132 p.

¹⁵⁷ Tang Shiping On Social Evolution Phenomenon and Paradigm / Shiping Tang . – Routledge, 2020. – 252 p.

¹⁵⁸ 唐世平 国际政治的社会进化:从米尔斯海默到杰维斯 [Тан Шипин Социальная эволюция международной политики: от Миршаймера к Джервису] // 当代亚太 [Современный АТР]. – 2009. - № 4. – pp. 5-31.

Дебаты между парадигмами ТМО имеют, на первый взгляд, неразрешимый характер. Тем не менее, внимательный анализ эмпирической базы различных теорий позволяет заключить, что в большинстве случаев используемые представителями разных теоретических направлений для подтверждения положений теории примеры принадлежат к разным историческим периодам. Современные системные теории, вне зависимости от собственной сложности, не в состоянии в полной мере объяснить все историю развития международного сообщества. Примирение парадигм становится возможным, если в качестве отправной точки исследования принять два допущения, согласно которым международная политика представляет собой постоянно эволюционирующую систему, а любая теория характеризуется ярко выраженной «эпохальностью» и применима только для толкования событий определенного хронологического периода. Согласно данной логике, развитие системы международных отношений можно представить как трансформацию из системы, подчиняющейся законам наступательного реализма («мир Миршаймера»), в систему, существующую по принципам оборонительного реализма («мир Джервиса»)¹⁵⁹.

Механизм социальной эволюции, в целом, повторяет биологическую эволюцию и включает в себя три ступени:

1. **Диссимиляция:** появление в системе отклонения от нормы;
2. **Селекция:** отбор норм, принципов и стратегий, наиболее приемлемых для игроков системы;
3. **Наследование:** распространение и укрепление новых норм в системе.

Ключевым отличием социальной системы от биологической является действие в рамках системы нематериальных, духовных сил. Последние оказывают немаловажное значение на процесс эволюции, однако онтологическое преимущество принадлежит, согласно теории, именно материальным ресурсам¹⁶⁰. Причиной изменений в системе чаще всего становится воздействие внесистемных сил, однако положить начало процессу может также и накопление критической массы внутрисистемных факторов. Отбор норм может происходить по двум сценариям – реалистскому и конструктивистскому. В первом случае, действует механизм негативного обучения: государства, действующие согласно устаревшей норме проигрывают в борьбе за выживание и исчезают вместе с данной нормой, в то время как оставшиеся государства адаптируются под новые реалии. Во втором случае, применяется механизм

¹⁵⁹ Tang Shiping Social evolution of international politics: From Mearsheimer to Jervis // European Journal of International Relations. - 2010. – Vol. 16. - №1. – pp. 31–55.

¹⁶⁰ Tang Shiping On Social Evolution Phenomenon and Paradigm / Shiping Tang . – Routledge, 2020. – p. 96.

позитивного обучения или социализация¹⁶¹. Наследование норм может происходить, как вертикально, от поколения к поколению в рамках одного государства, так и горизонтально, от одного государства к другому.

Для иллюстрации процесса социальной эволюции Тан Шипин обращается к двум исследовательским кейсам: развитию Китая в период с 1046 г. до н.э. по 1759 год н.э. и истории материковых государств Европы в период с распада Священно-Римской империи по 1995 год. Общим для обозначенных временных промежутков, как в Китае, так и в Европе, было постепенное снижение числа государств. В начале данных исторических периодов государства существовали в рамках системы, охарактеризованной теорией наступательного реализма. Руководствуясь принципом «подчиняй или будь подчинен», страны обеспечивали собственную безопасность за счет захватнических войн, что, в конечном итоге, приводило к существенному наращиванию их мощи, включая рост их земельных, людских и материальных ресурсов, и, следовательно, оборонительных способностей. По мере накопления ресурсов и уменьшения числа государств происходило повышение рисков и снижение выгод, связанных с наступательной стратегией. В результате, оборонительная стратегия к концу данных периодов стала приобретать более выгодный характер, что в конечном итоге запустило процесс трансформации системы наступательного реализма в систему оборонительного реализма.

Тан Шипин отмечает, однако, что переход к «миру Джервиса» не означает, что наступательная стратегия больше не применяется государствами. Элементы наступательного реализма можно найти и в рамках системы оборонительного реализма. Не исключается также обратная ситуация, хотя актор, прибегающий к оборонительной стратегии в «мире Миршаймера», окажется в крайне невыгодном положении. Парадигма социальной эволюции применима не только для анализа выше упомянутой трансформации от наступательного реализма к оборонительному. Теоретически применить ее можно также для объяснения перехода предшествующего данному, то есть от более ранней формы международной системы к наступательному реализму, а также для прогнозирования и исследования будущих системных изменений. Этому на данный момент, однако, препятствует недостаток данных для анализа.

«Возвышение Китая» в своих исследованиях Тан Шипин рассматривает в комплексе с вопросом трансформации современной системы международных отношений. Профессор дает собственное, более точное, толкование понятия «международный порядок». Его Тан Шипин определяет как степень предсказуемости (регулярности) событий в рамках социальной системы, которая обеспечивается за счет наличия способов регуляции поведения акторов, социальных

¹⁶¹ Tang Shiping, Long S.R. Joey America's military interventionism: A social evolutionary interpretation // *European Journal of International Relations*. – 2011. - Vol. 18. - №3. – pp. 509–538.

взаимодействий и социальных последствий¹⁶². На основе данного определения, Тан Шипин заключает, что либеральным современным миропорядок, в сущности, является только в экономической сфере. Следовательно, интеграция нелиберального, с точки зрения политической системы, Китая в нелиберальный международный политический порядок не представляет проблемы до тех пор, пока государство придерживается мирной стратегии¹⁶³.

Определяющую роль в формировании внешнеполитического курса современного Китая, по мнению Тан Шипина, по-прежнему играет негативный опыт взаимодействия с международной системой, полученный страной после 1840 года, подкрепляемый к тому же нежеланием страны осуществлять политическую либерализацию. Тан Шипин выделяет три возможных позиции КНР по отношению к нынешнему международному порядку¹⁶⁴. Первый вариант предлагает Китаю взять на себя роль революционного государства, осуждающего современную систему как в корне несправедливую. Политика государства должна принять ревизионистский характер. Китай должен возглавить борьбу за фундаментальное переустройство мира. Второй вариант менее радикален и основан на принятии, в целом, современной международной системы при условии осуществления некоторых преобразований. Например, демократизации международных отношений и предоставления большего влияния в глобальном управлении развивающимся странам. Китай, при этом, как наиболее сильное из возвышающихся государств, должен взять на себя полномочия лидера и инициатора данных преобразований. Третий подход от второго отличается исключительно ролью, уготованной КНР. В его рамках модификации системы государство будет добиваться за счет сотрудничества с другими странами, не претендуя на лидерство в любых его проявлениях.

Революционный подход имеет незначительную базу сторонников и, в целом, с момента начала реформ и открытости имеет в Китае маргинальный статус. Гораздо труднее определить, какой между вторым и третьим подходом пользуется большей популярностью у китайской политической и интеллектуальной элиты. В настоящее время можно найти свидетельства как в пользу поддержки руководством КНР второго, так и третьего подходов¹⁶⁵. С одной стороны, Китай позиционирует себя как активного участника и защитника современного глобального порядка, не заявляя открыто о своих лидерских амбициях. Реформы системы глобального

¹⁶² Tang Shiping Order: A Conceptual Analysis // Chinese Political Science Review. - 2016. - Vol. - №1. - pp. 30-46.

¹⁶³ Tang Shiping Liberal America, Illiberal China, and the 'Liberal' International Order // Institute for China-America Studies [Электронный ресурс] 10.05. 2016 – URL: <https://chinaus-icas.org/materials/liberal-america-illiberal-china-liberal-international-order/> (дата обращения: 10.01.2020)

¹⁶⁴ Tang Shiping China and the Future International Order(s) // Ethics & International Affairs. – 2018. - Vol. 32. - № 1.- pp. 31–43.

¹⁶⁵ Tang Shiping China and the Future International Order(s) // Ethics & International Affairs. – 2018. - Vol. 32. - № 1.- pp. 31–43.

управления государство нередко продвигает в составе межгосударственных объединений, таких как БРИКС и G20. С другой, относительное ослабление Запада, вызванное выходом Великобритании из ЕС, а также политическим курсом Д. Трампа, создает практически уникальное окно возможностей, которое китайское руководство не может не использовать. Так или иначе, Тан Шипин дает весьма сдержанную оценку перспективам китайского лидерства, подчеркивая, что внешнеполитические решения, принятые на основе триумфализма, с малой вероятностью будут иметь положительные следствия для китайской внешней политики. Анализ предпосылок, по мнению ученого, необходимых для трансформации системы, позволяет заключить, что Китаю недостает множества необходимых для следующего системного лидера качеств, включая, например, совокупную мощь, инновационное превосходство, поддержку достаточного числа влиятельных государств, региональное первенство и идеологическую привлекательность¹⁶⁶.

Приверженность Тан Шипина третьей стратегии - модификации системы международных отношений, без борьбы за лидерство - можно проследить во внешнеполитических рекомендациях ученого¹⁶⁷. Во-первых, Китаю на данном этапе необходимо продолжать наращивать собственную силу, в особенности повышать научный потенциал страны. Для этого политическому руководству следует сконцентрироваться на внутренней политике, а именно на углублении политики реформ и открытости. Во-вторых, необходимо внимательно оценивать риски и издержки, связанные с реформированием или сохранением в неприкосновенности тех или иных норм и институтов современного международного порядка. Стратегическое перенапряжение – одна из наиболее серьезных угроз для китайского возвышения. В-третьих, КНР следует четко сформулировать свой подход к реформированию международной системы. В основании китайской внешней политики не должно лежать исключительно желание повысить собственный статус в системе. Внешнеполитические задачи должны носить более фундаментальный характер. Последней рекомендацией ученого является концентрация внешнеполитических ресурсов страны на Восточной Азии. В условиях регионализации, представляющейся Тан Шипину главной тенденцией развития современного миропорядка¹⁶⁸, инициативы Китая, включая в том числе «Пояс и Путь» своим центром должны иметь именно домашний регион. К тому же региональное лидерство выступает одним из аспектов лидерства глобального.

¹⁶⁶ 唐世平 国际秩序变迁与中国的选项中国 [Тан Шипин Изменения в международном порядке и выбор Китая] // 社会科学[Социальные науки]. – 2019. - №3. – pp. 187-208.

¹⁶⁷ 唐世平 国际秩序变迁与中国的选项中国 [Тан Шипин Изменения в международном порядке и выбор Китая] // 社会科学[Социальные науки]. – 2019. - №3. – pp. 187-208.

¹⁶⁸ 唐世平 国际秩序的未来[Тан Шипин Будущее международной системы] // 国际观察 [Международный обзор] . – 2019. - №2. – pp. 29-44.

Парадигма социальной эволюции международных отношений во многом имеет уникальный для китайской теории международных отношений характер. Теория Тан Шипина является единственной распространенной китайской концепцией, не прибегающей к использованию концепций традиционной китайской культуры и философии. Парадигма представляет собой яркий пример построения глобальной ТМО, обладающей степенью научной обоснованности западной теории и в то же время не ограниченной исключительно европейским историческим опытом. С содержательной точки зрения, парадигма выступает в роли связующего звена между двумя конфликтующими направлениями теории политического реализма. Международную систему на текущем этапе развития Тан Шипин относит к системе оборонительного реализма. Внешнюю политику Китая ученый оценивает, соответственно, согласно положениям данной теории. КНР, по мнению ученого, находится на развилке между двумя стратегиями. Государство продвигает реформу системы международных отношений, но не имеет фиксированной позиции относительно того, какую степень ответственности за их проведение оно готово взять на себя. Как бы то ни было, неопределенность китайской позиции не является главным фактором, преграждающим стране путь к глобальному лидерству. Гораздо более важную роль играет все еще серьезное отставание Китая в уровне его национальной мощи.

3.2 Теория симбиоза международного сообщества

Одним из немногих примеров коллаборации китайских ученых с целью развития теории международных отношений является теория симбиоза международного сообщества или теория сосуществования (共生理论, гуншэлилунь), продвигаемая группой исследователей, базирующихся в Шанхае. Выдвинута теория была социологом Фуданьского университета профессором Ху Шоуцзюнем, в 2006 году опубликовавшем монографию «Теория социального симбиоза»¹⁶⁹ и основавшим при университете исследовательский центр изучения социального симбиоза. Деятельность центра привлекла внимание секретаря Шанхайского общества международных отношений Цзинь Инджуня, развившего положения концепции и применившего ее для анализа международных отношений. На данный момент именно работы Цзинь Инджуня составляют ядро теории симбиоза. Также в разработке теории участвуют такие исследователи, как Жэн Сяо, Ли Ючжун, Ян Цземьянь, Юань Шэньюй и Су Чанхэ. В 2015 году ими была выпущена коллективная монография «Симбиоз: подъем шанхайской школы»¹⁷⁰. Примечателен также тот факт, что теория стала предметом дебатов между пекинскими и шанхайскими международниками. В частности, критику концепции «симбиоза» можно найти в статьях Сюн Лили и Чэн Сюэфэя¹⁷¹.

С «пекинской школой» теорию симбиоза сближает обращение к политической философии Древнего Китая. В ней внимание сторонников данной теоретической концепции привлекает, прежде всего, понятие гармонии (和合, хэсе). Китайская культура во многих отношениях представляет собой культуру гармонии (和文化, хэвэнхуа)¹⁷². В ее основе лежат два ключевых принципа. Первый из них «ладить со средой, но не отождествляться с ней» (和而不同, хээрбутун) является принципом существования мира, второй «гармония порождает все

¹⁶⁹ 胡守钧 社会共生论[胡守钧 理论社会共生论 / 胡守钧 [胡守钧]. - 复旦大学出版社[复旦大学出版社], 2006. - 264 页.

¹⁷⁰ 任晓, 胡守钧, 李友钟, 金应忠, 杨洁勉, 苏长和, 袁胜育 共生:上海学派的兴起[任晓, 胡守钧, 李友钟, 金应忠, 杨洁勉, 苏长和, 袁胜育 共生:上海学派的兴起 / 任晓 [任晓]. - 上海译文出版社[上海译文出版社], 2015. - 208 页.

¹⁷¹ 陈雪飞 中国应建立文明导向的世界秩序观 [陈雪飞 中国应建立文明导向的世界秩序观 [陈雪飞 中国应建立文明导向的世界秩序观] // 探索与争鸣 [探索与争鸣]. - 2014. - №4. - pp. 21-34 ; 熊李力 共生型国际体系还是竞合型国际体系[熊李力 共生型国际体系还是竞合型国际体系 [熊李力 共生型国际体系还是竞合型国际体系] // 探索与争鸣 [探索与争鸣]. - 2014. - №4. - pp. 35-47 ; 任晓 共生体系的存在和持久性 - 对熊李力、陈雪飞先生的回应[任晓 共生体系的存在和持久性 - 对熊李力、陈雪飞先生的回应 [任晓 共生体系的存在和持久性 - 对熊李力、陈雪飞先生的回应] // 学术争鸣 [学术争鸣]. - 2014. - № 11. - pp. 32 - 35 ; 金应忠 为什么要倡导共生型国际体系—与熊李力先生对共生性学说理论批判的商榷 [金应忠 为什么要倡导共生型国际体系—与熊李力先生对共生性学说理论批判的商榷 [金应忠 为什么要倡导共生型国际体系—与熊李力先生对共生性学说理论批判的商榷] // 社会科学 [社会科学]. - 2014. - №9. - pp. 3-10.

¹⁷² 金应忠 从“和文化”到新型国际关系理念[金应忠 从“和文化”到新型国际关系理念 [金应忠 从“和文化”到新型国际关系理念] // 社会科学 [社会科学]. - 2015. - № 11. - pp. 18-33.

сущее» (和实生物, хэшишэнгу) – принципом его развития. На практике данные принципы имеют следующее значение. Мир объективно характеризуется высшей степенью разнообразности. Противоречия и антагонизмы являются его естественной частью. Однако, благодаря заложенному в мире стремлению к гармонии, они не создают среду повышенной конфликтности. Само понятие противоположности в теории в соответствии с логикой инь-ян теряет свою негативную коннотацию. Гетерогенность международных акторов является залогом их продуктивного сотрудничества и взаимовыгодного взаимодействия. Все в мире характеризуется взаимосвязанностью и взаимообусловленностью. Развитие системы и ее процветание становятся возможны, следовательно, только когда ее элементы находятся в гармоничных отношениях, то есть когда реализация интересов одного не только не вредит, но и помогает реализации интересов другого.

Существует несколько ошибочных трактовок культуры гармонии. Во-первых, культуру гармонии не стоит отождествлять с культурой мира. Мир может выступать результатом установления гармонии, но не является ее основной целью. Конфликты в той же мере, как и сотрудничество, являются составной частью гармоничного общества и механизмом его развития. Во-вторых, культура гармонии, вопреки сложившимся представлениям, не ведет к пренебрежению индивидуальными интересами. Напротив, в ее рамках первостепенной задачей любого актора является постоянное самоусовершенствование и самоусиление (自强不息, цзыцянбуси), следом за которым следует доброжелательное отношение к другим (厚德载物, хоудэцайу). В отличие, однако, от западной культуры, реализация собственных интересов связывается в теории напрямую с реализацией групповых интересов и, в частности, с урегулированием, гармонизацией групповых отношений. В-третьих, теория симбиоза не является теорией отношений, несмотря на то, что отношениям в ней уделяется значительное внимание. Реляционность представляет, по мнению Цзинь Инджуна, лишь отдельную часть китайского мышления, ориентированного в большей степени на целостность и единство всего сущего (万事万物, ваньшиваньгу). Упоминание в теории реляционности свидетельствует также о стремлении объединить теорию симбиоза с другими теоретическими направлениями.

Сам термин «симбиоз» представляет собой модернизированный вариант древнекитайского понятия всего сущего. Состояние симбиоза определяется единством в рамках международной системы индивидуальности и целостности¹⁷³. Симбиотическая система отличается высоким уровнем взаимоуважения и толерантности. Акторы в ее рамках имеют достаточно пространства для реализации собственных интересов и не воспринимают друг друга

¹⁷³ 金应忠 试论人类命运共同体意识—兼论国际社会共生性[Цзинь Инджун Сообщество единой судьбы человечества и международный симбиоз] // 国际观察[Международный обзор]. – 2014. - №1. – pp. 37 -51.

в качестве потенциальных препятствий или вызовов. Развитие одного актора рассматривается, прежде всего, с точки зрения потенциала, которое оно несет для развития другого. Потребность в гармоничном симбиозе или гармоничном сосуществовании (和合共生, хэсегуншэн) является базовой характеристикой любого человеческого общества и выступает в качестве одной из главных движущих сил общественного прогресса. На разных этапах истории потребность принимала свою уникальную форму. Следует отметить, что значительное влияние на формирование теории симбиоза оказал марксизм. Концепцию симбиоза Цзинь Инджун соединил с формационным подходом к развитию общества, добавив стремлению к гармоничному симбиозу роль катализатора развития производственных сил. Формации, как результат, рассматриваются ученым как множественные формы существования общественного симбиоза (рабовладелец-раб, феодал-крестьянин, метрополия-колония), вне рамок социализма преимущественно конфликтные¹⁷⁴.

Примером неконфликтного симбиоза выступает современное общество. Характеризуемое высокой степенью диверсификации и многообразия, оно объединяет в себе кардинально разные цивилизационные, культурные и политические системы, тесно связанные между собой узами мирового рынка. Глобализационные и интеграционные процессы подняли взаимозависимость международных акторов на беспрецедентный уровень. Масштабы, достигнутые к настоящему моменту рыночной экономикой, вывели на большем промежутке истории бессознательную потребность в гармоничном симбиозе на поверхность. Интересы акторов, их потребности, а также стоящие перед ними проблемы и вызовы приобретают все более и более коллективный характер. Современную эпоху с уверенностью можно назвать эпохой мирного развития и взаимозависимости¹⁷⁵.

Тем не менее, по мнению Цзинь Инджуна и его коллег, концепция симбиоза по-прежнему имеет слабые позиции в глобальном дискурсе. Обусловлено это двумя факторами. Во-первых, непопулярность идеи симбиоза связана с восприятием современной международной реальности. СМИ, научное сообщество и политические элиты транслируют крайним образом негативное изображение системы международных отношений, подчеркивая конфликтность и практически игнорируя позитивные тенденции в ее развитии. Политика наиболее сильного государства в системе напрямую противоречит идеям об общности судьбы международного сообщества, в результате чего более слабые страны также предпочитают действовать в

¹⁷⁴ 金应忠 再论共生理论. 关于当代国际关系的哲学思维 [Цзинь Инджун Еще раз о теории симбиоза. Философские размышления о современных международных отношениях] // 国际观察[Международный обзор] . - 2019. - №1. – pp. 14 - 35.

¹⁷⁵ 金应忠 国际社会的共生论 . 和平发展时代的国际关系理论[Цзинь Инджун Теория международного симбиоза. ТМО эпохи мирного развития] // 社会科学[Социальные науки]. – 2010. - №10. – pp. 12-21.

соответствии с «законами джунглей»¹⁷⁶. Во-вторых, ограничительным фактором для распространения принципов гармоничного симбиоза выступает современная ТМО. Два основных тезиса в ее основе – макиавеллистическая убежденность в отрицательной природе человека и гоббсианские представления об анархии – фактически исключают возможность в рамках международной системы мирного сосуществования.

Достижение гармонии маловероятно, если внешняя политика государств будет по-прежнему рассматриваться через призму силового баланса, борьбы за влияние, национальных интересов, игры с нулевой суммой и иных концепций, свойственных реалистской парадигме. Тезис об анархичной природе международных отношений не имеет достаточной объяснительной силы. Внутриполитические события второй половины XX века продемонстрировали, что наличие правительства не является достаточным условием исчезновения конфликтов и установления гармонии¹⁷⁷. Большие споры в ТМО в теории симбиоза рассматриваются, соответственно, как попытки избавиться от доминирования реализма. Появление благодаря им новых теорий, таких как, например, теория взаимозависимости и теория интеграции, свидетельствует о постепенном осознании растущей взаимосвязи международных акторов и поиске соответствующей данной тенденции теории. Создать ее, однако, невозможно без полного отказа от тезиса об анархии. Теории, основанные на нем, не проводят различия между конфликтными силами и силами мира, что объясняет, в том числе, появление в их рамках теории китайской угрозы. Современная эпоха нуждается в теории, объясняющей не природу войны, но природу мира и гармонии.

Возвышение КНР также искаженно рассматривается в рамках господствующих представлений о международной системе. Согласно теории транзита власти, возвышение государства неминуемо ведет к упадку текущего гегемона, а перераспределение силы в системе – к глобальному конфликту. Такая логика была, возможно, верна в более ранние исторические периоды. В современную же эпоху возвышение государства скорее открывает новые возможности для мирного развития. Ограниченность ресурсов ввиду тесной интеграции больше не выступает предпосылкой конфликтов. К тому же, сам Китай, как неоднократно подчеркивали его лидеры, никогда не претендовал и не будет претендовать на позицию

¹⁷⁶ 金应忠 再论共生理论. 关于当代国际关系的哲学思维 [Цзинь Инджун Еще раз о теории симбиоза. Философские размышления о современных международных отношениях] // 国际观察 [Международный обзор] . - 2019. - №1. – pp. 14 - 35.

¹⁷⁷ 金应忠 为什么要研究国际社会共生性. 兼议和平发展时代国际关系理论 [Цзинь Инджун Зачем необходимо исследовать международный симбиоз. ТМО эпохи мирного развития] // 国际展望 [Международный обзор] . - 2011. - №5. – pp. 2 - 5.

гегемона¹⁷⁸. Безусловно, это не означает, что государство полностью откажется от реализации собственных интересов или будет терпеть их ущемление со стороны других государств. Тем не менее, современная внешняя политика Китая, прежде всего, ориентирована на идеалы общемировой гармонии (大同世界, датуншицзе) и международного симбиоза. Симбиоза и гармонии КНР ищет и в отношениях с США. Китайско-американские отношения никогда не рассматривались в государстве через призму концепций «борьбы за власть» или «ловушки Фукидида». Вину за нынешнее состояние отношений сторонники теории симбиоза фактически перекладывают на американское правительство, а именно на администрацию Д. Трампа. Политика «Америка прежде всего» и, в особенности, торговая война, напрямую противоречат продвигаемым Китаем принципам гармоничного симбиоза и объективным тенденциям развития международных отношений¹⁷⁹.

Теория симбиоза наиболее из всех теорий «китайской школы» приближена к практической внешнеполитической деятельности Китая. Так, например, дипломатические концепции эпохи Си Цзиньпина не просто подвергаются в теории анализу, они фактически интегрированы в саму теорию. Сообщество единой судьбы человечества представляет собой альтернативное название симбиотического общества. Инициатива «Пояс и Путь» - это одновременно следствие экономической интеграции и демонстрация стремления государств мира к симбиозу. Гармоничные межгосударственные отношения в теории представлены «международными отношениями нового типа». В теоретических работах и политическом дискурсе данные концепции стали появляться примерно в рамках одного временного промежутка – после 2010 года. Как результат, весьма трудно с точностью определить следовала ли китайская внешняя политика за новшествами в теории или же теоретические разработки подстраивались под актуальные задачи внешней политики. Тем не менее, «шанхайская школа» в лице теории симбиоза, обладает, по всей видимости, наиболее тесной связью с реальной внешней политикой КНР.

Фуданьский университет стал местом рождения двух фундаментально разных, но в равной степени уникальных теорий международных отношений. Теория социальной эволюции является единственной китайской теорией, центральной проблемой которой не является китайское возвышение. Исследования Тан Шипина не направлены на внутреннее потребление. Отказался ученый и от попыток интерпретировать международные процессы с использованием

¹⁷⁸ 苏长和 共生型国际体系的可能 - 在一个多极世界中如何构建新型大国关系 [苏 长和 现实性 国际 共生 型 体系 的 可能 – 如 何 构 建 新 型 大 国 关 系] // 世 界 经 济 与 政 治 [Мировая экономика и политика]. – 2013. №9. – pp. 4 - 22.

¹⁷⁹ 金应忠 为什么要倡导“共生机遇论”? [Зачем необходимо продвигать систему симбиоза?] // 国际观察 [Международный обозреватель]. – 2020. - №1. – pp. 18 - 46.

китайской философской мысли. Как следствие, теория социальной эволюции отличается большей степенью универсальности и объективности, внося при этом вклад в преодоление западоцентризма в ТМО. Уникальность теории симбиоза международной системы заключается, в первую очередь, в масштабности данного теоретического направления. К тому же, теория симбиоза отражает одну из главных тенденций в развитии китайских социальных наук: синтез положений марксистской теории с элементами конфуцианской этики. Данные теории наглядно иллюстрируют два возможных пути развития КТМО: интеграция в глобальную ТМО или развитие национальной школы. На разных полюсах соответственно находятся содержащиеся в них оценки современной китайской внешней политики. Анализ Тан Шипина концептуально близок к «мейнстриму» западной ТМО, в то время как теория симбиоза во многом представляет собой теоретическое обоснование текущего внешнеполитического курса КНР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За относительно короткий период с момента появления в китайском научном поле теория международных отношений получила в КНР значительное развитие. Если еще в начале XXI-го столетия Китай преимущественно импортировал теоретические концепции, то в настоящее время государство принадлежит к числу главных экспортеров знаний о международных отношениях среди развивающихся государств. Одна из причин столь быстрого развития дисциплины - тесная связь разрабатываемой теории с практикой китайской дипломатии. История ТМО в Китае переплетена с новшествами во внешнеполитическом курсе страны. Так, начало ее развития было спровоцировано политикой реформ и открытости, дебаты о «китайской школе» получили значительный толчок с выдвижением концепции «мирного возвышения», а смена внешнеполитической парадигмы при Си Цзиньпине сопровождалась оформлением сразу нескольких полноценных теорий международных отношений китайского происхождения.

С ранних этапов китайские ученые стремились не просто внести вклад в развитие дисциплины, но продемонстрировать в собственных концепциях «китайскую специфику», особый китайский взгляд на развитие международной системы и положение в ней Китая. Как результат, китайские международные исследования приобрели в значительной мере синоцентричный характер. Выражается данная черта в двух аспектах. Во-первых, подавляющая часть теорий создана с активным использованием концепций традиционной китайской культуры и философии. Во-вторых, центральная проблематика теорий практически во всех случаях связана с «возвышением Китая», ввиду чего анализ трансформации внешней политики страны на современном этапе также приобретает в работах китайских ученых первостепенный характер.

Наличие собственной уникальной проблематики в сумме с особенной диалектической логикой и онтологической основой рассматривается многими китайскими учеными как главный аргумент в пользу выделения самостоятельной школы. Рациональность создания «китайской школы», однако, до сих пор является предметом дебатов в китайском научном сообществе. Противники данного концепта подчеркивают сохраняющуюся методологическую и концептуальную зависимость китайских теорий от зарубежных теоретических течений и опасность утери универсальности при опоре исключительно на китайскую историю и культуру. Так или иначе, несмотря на незавершенность дебатов между сторонниками и противниками индигенизации, китайская теория в последнее десятилетие вошла в стадию бурного развития.

Катализатором данного процесса стали изменения в китайском внешнеполитическом статусе. Параллельно с возрастанием активности Китая на международной арене, все более

четкие очертания начинали приобретать разрабатываемые в стране теоретические концепции. Так, четыре из пяти исследуемых в работе теорий получили свой завершённый вид уже после прихода к власти «пятого поколения» руководителей КНР. Разработка теорий международных отношений для современного Китая приобретает новое значение. Государство стремится продемонстрировать всему миру свой научный потенциал. Влияние на формирование глобального научного дискурса о международных отношениях во многом воспринимается Китаем как неотъемлемый атрибут великой державы. Ускоренные темпы «возвышения» Китая при Си Цзиньпине ведут к «возвышению» КТМО, а КТМО, в свою очередь, используется для придания легитимности новому витку китайского «возвышения».

«Китайская школа» в ее современном состоянии не является унитарной школой с единым подходом к анализу международных отношений, но представляет собой гетерогенную совокупность теоретических концепций, разрабатываемых китайскими учеными или институтами в полной независимости друг от друга. Можно выделить пять наиболее развитых концепций, сравнение основных положений которых представлено в Приложении 1. Разделение теорий на «пекинскую» и «шанхайскую» школы является условным. Отдельные теории в рамках данных направлений имеют между собой весьма мало общего. Проводя параллель с западными теориями, рассмотренные в работе концепции можно охарактеризовать как китайские варианты идеалистического, реалистского и конструктивистского направлений в современной международно-политической науке. К теориям реалистского направления можно отнести теорию морального реализма Янь Сюэтуна и парадигму социальной эволюции Тан Шипина. Идеализм в КТМО представлен концепцией «Тянься» Чжао Тиняна и теорией симбиоза международного общества. К социальному конструктивизму можно отнести теорию отношений Цинь Яцина. Подобное разделение будет, однако, также носить символический характер.

Более репрезентативным способом классификации данных теорий представляется их разделение на основе соотношения элементов традиционной китайской философии и западных теорий международных отношений. Согласно данному критерию, в рамках КТМО можно выделить следующие три группы: эндемичные теории, теории смешанного типа и теории западного типа. Категория эндемичных теорий представлена концепцией «Тянься» и теорией симбиоза. Объединяет данные теории приоритетное место, занимаемое в них традиционной китайской политической философией. Обе теории являются модернизированной версией древнекитайских представлений об идеальном мироустройстве. Теория симбиоза отличается, однако, более тщательной проработкой и включением отдельных положений марксизма. К теориям смешанного характера принадлежат теория отношений и моральный реализм. Данные теоретические концепции служат примером симбиоза западных теорий с положениями

китайской философии. На их примере становится очевидным взаимодополняющий характер западных и восточных теоретических концепций. Парадигма социальной эволюции, кардинально отличается от всех вышеупомянутых теорий. Теория Тан Шипина единственная теория в списке, которую можно отнести к КТМО, но нельзя определить в категорию «китайской школы». Тан Шипин в своих исследованиях фактически «лишает» уникальности китайскую историю и культуру, вписывая ее в глобальную.

Оценки китайской внешней политики в исследованных теориях менее разнообразны, чем можно предположить, учитывая различия в их основных тезисах. Как видно из Приложения 2, всем теориям в той или иной мере свойственно признание неизбежности китайского «возвышения». Мирный сценарий развития данного процесса поддерживают три теории из пяти, исключением являются две теории, принадлежащие к реалистской парадигме. В целом положительную оценку в теоретических концепциях получают «дипломатические идеи Си Цзиньпина». Инициатива «Пояс и Путь», концепции «сообщества единой судьбы человечества» и «международных отношений нового типа» практически единогласно признаются правильными стратегическими решениями для современного Китая. Теории, акцентирующие внимание на нематериальных факторах, включая теорию отношений, концепцию «Тянься» и теорию симбиоза, аргументируют это вкладом Китая в совершенствование системы глобального управления и трансформацией благодаря усилиям государства укоренившихся представлений о конфликтной природе международных отношений. В теории морального реализма, так же как в парадигме социальной эволюции, данные инициативы рассматриваются с точки зрения увеличения с их помощью национальной мощи Китая и расширения глобальной поддержки государства.

Наиболее широкий спектр оценок наблюдается в отношении отказа от принципа «держаться в тени» в пользу более активной внешней политики. Смену внешнеполитической парадигмы признает фактически только теория морального реализма Янь Сюэтуна. Тан Шипин просматривает в современной китайской политике лишь отдельные шаги к кардинальному пересмотру представлений Китая о собственной роли в международной системе, в то время как оставшиеся теории рассматривают текущий курс Китая не с точки зрения его новаторства, но с точки зрения его преемственности.

В целом, можно отметить, что доминирующим подходом к оценке внешней политики Китая будет позитивное отношение к активной деятельности Китая на международной арене и его текущим внешнеполитическим проектам, сопровождаемое рекомендациями тщательно взвешивать масштаб международной ответственности, которую государство может взять на себя без ущерба для своего дальнейшего развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники

Официальные заявления, выступления и доклады

1. 邓小平讲话实录：演讲卷 [Сборник речей Дэн Сяопина] 《邓小平讲话实录》编写组. - 红旗出版. - 2018. – 567 p.
2. 李长春在马克思主义理论研究和建设工程工作会议上的讲话 [Речь Ли Чанчуня на Рабочей конференции по теории марксизма] // 中国共产党新闻网 [Новостной портал КПК] 12. 10. 2012 [Электронный ресурс] – URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64093/64094/18059720> (дата обращения: 10.10. 2019)
3. 习近平系列重要讲话数据库 [Архив выступлений Си Цзиньпина] // 中国共产党新闻网 [Новостной портал КПК] [Электронный ресурс] – URL: <http://jhsjk.people.cn/> (дата обращения: 16.10. 2019)

II. Литература

Публикации и интервью на новостных порталах и сайтах исследовательских институтов

1. Tang Shiping Liberal America, Illiberal China, and the ‘Liberal’ International Order // Institute for China-America Studies [Электронный ресурс] 10.05. 2016 – URL: <https://chinaus-icas.org/materials/liberal-america-illiberal-china-liberal-international-order/> (дата обращения: 10.01.2020)
2. Zhao Tingyang Can this ancient Chinese philosophy save us from global chaos? // The Washington Post 07.04.2018 [Electronic resource] – URL: <https://www.washingtonpost.com/news/theworldpost/wp/2018/02/07/tianxia/> (дата обращения: 05.03.2020)
3. 毛莉 为全球国际关系理论作出中国贡献 [Мао Ли Китайский вклад в развитие глобальной теории международных отношений] // 中国社会科学报 [Газета социальных наук Китая] 02.05.2018
4. 周兆军 专访秦亚青：十七大后中国外交将更重视多边舞台[Чжоу Чжаоцзюнь Интервью с Цинь Яцином] [Электронный ресурс] // 中国共产党新闻网 [Новости КПК], 12.10.2017. – URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64093/64099/6369987.html> (дата обращения: 12.02.2020)

Диссертационные исследования

1. Козинец А. И. Незападные подходы в теории международных отношений: сравнительный анализ китайского и индийского опыта: дис. канд. пол. наук: 23.00.04. - ФГАОУ ВО ДВФУ, Владивосток, 2018 - 186 с.

Монографии

1. Acharya A. Non-Western International Relations Theory: Perspectives On and Beyond Asia / A. Acharya. - Routledge, 2010. - 256 p.
2. Chan G. Chinese Perspectives on International Relations. A Framework for Analysis / Gerald Chan. - Palgrave Macmillan, London., 1999. - 256 p.
3. Eun Y.-S. Pluralism, Pluralism and Engagement in the Discipline of International Relations / Yong-Soo Eun. – Singapore: Springer, 2016. – 106 p.
4. Eun Y.-S. What Is at Stake in Building “Non-Western” International Relations Theory? / Yong-Soo Eun. – Routledge, 2019. – 112 p.;
5. Feng Huiyun , Kai He, Yan Xuotong Chinese Scholars Debating International Relations and Foreign Policy / Feng Huiyun. - Routledge, 2019. - 210 p.
6. Hardt M., Negri A. Empire / M. Hardt, A. Negri. - Harvard University Press, 2001. - 496 p.
7. Qin Yaqing A Relational Theory of World Politics / Yaqing Qin. - Cambridge University Press, 2018. - 390 p.
8. Ren Xiao The “Chinese School” debate: Personal reflections / Ren Xiao // Constructing a Chinese school of international relations: Ongoing debates and sociological realities / ed. Yongjin Zhang, Teng-chi Chang . London: Routledge, 2016. – p.
9. Tang Shiping A General Theory of Institutional Change / Shiping Tang . – Routledge, 2010. – 132 p.
10. Tang Shiping On Social Evolution Phenomenon and Paradigm / Shiping Tang . – Routledge, 2020. – 252 p.
11. Wang Yiwei China: Between copying and constructing / Yiwei Wang // International Relations Scholarship Around the World / ed. Tickner Arlene, Waever Ole. – Abingdon: Routledge, 2008. – p.
12. Yan Xuotong Ancient Chinese Thought, Modern Chinese Power / Yan Xuotong // Edited by Daniel A. Bell Sun Zhe. - Princeton University Press, 2011. - 320 p.
13. Yan Xuotong Leadership and the Rise of Great Powers / Yan Xuotong . - Princeton University Press, 2019. - 280 p.
14. Zhao Tingyang Redefining A Philosophy for World Governance: Key concepts in Chinese thought and culture / Tingyang Zhao. - Springer, 2019. – 68 p.

15. 胡守钧 社会共生论[Ху Шоуцзюнь Теория социального симбиоза] / 胡守钧 [Ху Шоуцзюнь]. - 复旦大学出版社[Издательство Фуданьского университета], 2006. - 264 p.
16. 梁守德国际政治学概论 [Лян Шоудэ Введение в международную политику] / 梁守德 [Лян Шоудэ]. - 中央编译出版社. – 237 p.
17. 秦亚青 关系与过程:中国国际关系理论的文化建构 [Цинь Яцин Отношения и процесс: культурное конструирование китайской теории международных отношений] / 秦亚青 [Цинь Яцин]. - 上海人民出版社, 2012. – 274 p.
18. 任晓, 胡守钧, 李友钟, 金应忠, 杨洁勉, 苏长和, 袁胜育 共生:上海学派的兴起[Жэн Сяо, Ху Шоуцзюнь, Ли Ючжун, Цзинь Инджун, Ян Цземьянь, Су Чанхэ, Юань Шэньюй Симбиоз:подъем шанхайской школы] / 任晓[Жэн Сяо]. - 上海译文出版社 [Шанхайское издательство переводов], 2015. – 208 p.
19. 王义桅 超越国际关系：国际关系理论的文化解读 [Ван Ивэй За пределами международных отношений: культурная интерпретация теории международных отношений] / 王义桅 [Ван Ивэй] // 世界知识出版社. – 2007. – p.
20. 阎学通 历史的惯性：未来十年的中国与世界 [Янь Сюэтунь Инерция истории: Китай и мир в ближайшее десятилетие] / 阎学通[Янь Сюэтунь]. - 中信出版社, 2013. – 276 p.
21. 阎学通 历史的惯性[Янь Сюэтунь Инерционность истории] / 阎学通 [Янь Сюэтунь]. - 中信出版社[Издательство Китайской международной трастовой и инвестиционной корпорации], 2013. – p. 154.
22. 阎学通 世界权力的转移：政治领导与战略竞争 [Янь Сюэтунь Смещение мировой власти: политическое лидерство и стратегическая конкуренция] / 阎学通 [Янь Сюэтунь]. - 北京大学出版社[Издательство Пекинского университета], 2015. - 296 p.
23. 赵汀阳 坏世界研究：作为第一哲学的政治哲学[Чжао Тинян Исследования плохого мира: политическая философия как первая из философий] / 赵汀阳 [Чжао Тинян]. – 北京； 人民大学出版社, 2009. – 366 p.
24. 赵汀阳 天下的当代性[Чжао Тинян Современность системы ‘Тянься’] / 赵汀阳[Чжао Тинян]. – 中信出版社, 2016. – 283 p.
25. 赵汀阳 天下体系:世界制度哲学导论 [Чжао Тинян Система ‘Тянься’: введение в философию мировых институтов] / 赵汀阳 [Чжао Тинян]. - 南京江苏教育出版社, 2005. – 160 p.

Статьи в периодических изданиях

- 1.** Алексеева Т.А. «Запад» и «незапад» в пространстве теории международных отношений // Вестник РУДН. – 2017. – Т. 17. - № 2. – сс. 217-232;
- 2.** Алексеева Т.А., Лебедева М. М. Что происходит с теорией международных отношений // Полис.- 2016. - № 1.- сс. 29-43.
- 3.** Воскресенский А.Д. Мировое комплексное регионоведение и перспективы построения незападной (китаизированной) теории международных отношений // Полис. Политические исследования. - 2013. - № 6. - сс. 82-96;
- 4.** Грачиков Е. Китайская теория международных отношений. Становление национальной школы // Международные процессы. –Т. 14. - № 3. - сс. 68-80.
- 5.** Конышев В.Н. Незападный взгляд на мировую политику // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т.64. - №3. – сс. 130-135.
- 6.** Кривохиж С., Соболева Е. Древность на службе современности: теория морального реализма Янь Сюэтуна и будущее мирового порядка // Мировая экономика и международные отношения. -2017. - Т. 61. - № 1. - сс. 76-84.
- 7.** Кузнецов А. М. «Мирное развитие Китая» и некоторые проблемы теории международных отношений // Политическая концептология. – 2014. - № 3. – сс. 166 – 177.
- 8.** Кузнецов А. М., Козинец А. И. Незападные теории международных отношений – от маргинальности к признанию // Ойкумена. – 2016. – №4. – 8-23.
- 9.** Лебедева М. М. Незападные теории международных отношений: миф или реальность? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2017. - №17(2). – сс.246-256.
- 10.** Понька Т. И. Китайский взгляд на теорию международных отношений / Т. И. Понька, А. С. Бельченко, А. А. Забелла // Мировая экономика и международные отношения. - 2017. - Т. 61, № 10. - С. 76-86.
- 11.** Понька Т., Бельченко А., Забелла А. Китайский взгляд на теорию международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – Т.61. - № 10. - сс. 76–86.
- 12.** Чжан Жуйчжуан, Королев А. Теория международных отношений с китайской спецификой: современное состояние и тенденции развития // Проблемы Дальнего Востока. – 2010. - № 3. – pp. 96-110.
- 13.** Acharya A. Dialogue and discovery: in search of international relations theories beyond the west // Millennium. - 2011. – Vol.39 - № 3. – pp. 619-637.
- 14.** Acharya A. Global International Relations (IR) and regional worlds: a new agenda for international studies // International Studies Quarterly. – 2014. – Vol.58. - №4. – pp. 1-13.

15. Acharya A. Advancing global IR: challenges, contentions and contributions // *International Studies Review*. – 2016. – Vol.18. - №1. – pp. 4-15.
16. Acharya A., Buzan B. Why is there no non-Western international relations theory? An introduction // *International Relations of the Asia-Pacific*. – 2007. -Vol. 7. - №3. – pp. 287–312.
17. Acharya A., Buzan B. Conclusion: On the possibility of a non-Western IR theory in Asia // *International Relations of the Asia-Pacific*. – 2007. – Vol. 7. – № 3. – pp. 427–438.
18. Acharya Amitav, Buzan Barry Why is there no Non-Western International Relations Theory? Ten years on // *International Relations of the Asia-Pacific*. – 2017. – Vol. 10. – pp. 1–30.
19. Acharya Amitav Global International Relations (IR) and Regional Worlds: A New Agenda for International Studies // *International Studies Quarterly*. – 2014. - №4. – pp. 647-59.
20. Bilgin P. Looking for the International beyond the West // *Third World Quarterly*. – 2010. - Vol. 31. - №5. – pp. 817-828.
21. Bing Ngeow Chow Review: The Rise of China and Chinese International Relations Scholarship by Hung-Jen // *China Review*. – 2014. - Vol . 14. – № 2. – pp. 270-272.
22. Buzan B., Wang Jiangli The English and Chinese Schools of International Relations: Comparisons and Lessons // *The Chinese Journal of International Politics*. - 2014. – Vol. 7. - № 1. – pp. 1-46.
23. Callahan W.A. China and the Globalisation of IR Theory: Discussion of 'Building International Relations Theory with Chinese Characteristics' // *Journal of Contemporary China*. – 2010. – Vol.10. - № 26. – pp. 75-88.
24. Carlson Allen Moving Beyond Sovereignty? A brief consideration of recent changes in China's approach to international order and the emergence of the tianxia concept // *Journal of Contemporary China*. – 2011. - Vol. 20. - №68. – pp. 89-102.
25. Cha Taesuh Competing visions of a postmodern world order: the Philadelphian system versus the Tianxia system // *Cambridge Review of International Affairs*. – 2018. - Vol. 31. - №5. – pp. 392-414.
26. Chang Chishen Tianxia system on a snail's horns // *Inter-Asia Cultural Studies*. - 2011. - Vol. 12. - №1. - pp. 28-42.
27. Chen Ching-Chang The absence of non-western IR theory in Asia reconsidered // *International Relations of the Asia-Pacific*. - 2011. - Vol.11. - № 1. – pp. 1–23.
28. Cox Robert W. Social Forces, States and World Orders: Beyond International Relations Theory // *Millennium: Journal of International Studies*. -1981. - №2 . – pp.128.
29. Do Thuy T. China's rise and the 'Chinese dream' in international relations theory // *Global Change, Peace & Security*. – 2015. - Vol. 27. - № 1. - pp.21-38.

30. Dreyer June Teufel The 'Tianxia Trope': will China change the international system? // *Journal of Contemporary China*. – 2015. – Vol. 24. - Issue 96. – pp. 24-36.
31. Geeraerts Gustaaf, Jing Men International Relations Theory in China // *Global Society*. – 2001. – Vol. 15. – № 3. – pp. 251-276.
32. Hui Victoria Tin-bor Building Castles in the Sand: A Review of Ancient Chinese Thought, Modern Chinese Power // *The Chinese Journal of International Politics*. – 2012. - Vol. 5. - pp. 425–449.
33. Kavalski E. Guanxi or What is the Chinese for Relational Theory of World Politics // *International Relations of the Asia-Pacific*. – 2018. – Vol. 18. - №3. – pp. 397–420.
34. Kristensen Peter M., Nielsen Ras T. Constructing a Chinese International Relations Theory: A Sociological Approach to Intellectual Innovation // *International Political Sociology*. – 2013. –Vol. 7. - №1. – pp. 19–40.
35. Liang Shoude Constructing an International Relations Theory with 'Chinese Characteristics'// *Political Science*. – 1997. - Vol.49. - №1. – pp. 23-39.
36. Lu Peng Chinese IR Sino-centrism tradition and its influence on the Chinese School Movement // *The Pacific Review*. – 2019. - Vol. 32. - №2. – pp. 150-167.
37. Noesselt Nele Revisiting the Debate on Constructing a Theory of International Relations with Chinese Characteristics // *The China Quarterly*. – 2015. - Vol. 222. - pp. 430-448.
38. Noesselt Nele Is There a “Chinese School” of IR? // *GIGA Working Papers*. – 2012. - №188.
39. Nordin Astrid H. M., Smith Graham M. Reintroducing friendship to international relations: relational ontologies from China to the West // *International Relations of the Asia-Pacific*. – 2018. - Vol. 18. - №3. – pp. 369–396.
40. Nordin Astrid H. M., Smith G. M., Bunskoek R., Huang Chiung-chiu, Hwang Yih-jye (Jay), Thaddeus P.J., Kavalski E., Ling L. H. M., Martindale L., Nakamura M., Nexon D., Premack L., Qin Yaqing, Shih Chih-yu, Tyfield D., Williams E. Towards global relational theorizing: a dialogue between Sinophone and Anglophone scholarship on relationalism // *Cambridge Review of International Affairs*. – 2019. – Vol. 32. - № 5. – pp. 570-581.
41. Paltiel Jeremy T. Constructing Global Order with Chinese Characteristics: Yan Xuetong and the Pre-Qin Response to International Anarchy // *The Chinese Journal of International Politics*. – 2011. - Vol. 4. – pp. 375–403.
42. Qin Yaqing A Relational Theory of World Politics // *International Studies Review*. -2016. - № 18. – pp. 33–47.
43. Qin Yaqing International Society as a Process: Institutions, Identities, and China`s Peaceful Rise // *The Chinese Journal of International Politics*. – 2010. - № 3 (2). – pp. 129-153.

44. Qin Yaqing Power Shift, Governance Deficit and a Sustainable Global // Economic and Political Studies. – 2013. - Vol.1. - № 1. – pp. 89-106.
45. Qin Yaqing Relationality and processual construction: bringing Chinese ideas into international relations theory // Social Sciences in China. – 2009. – Vol.30. - №4. – pp. 5-20.
46. Ren Xiao The international relations theoretical discourse in China: One World, Different Explanations // Journal of Chinese Political Science. – 2009. - № 15. – Issue 1. – pp. 99-116.
47. Schneider F. Reconceptualising World Order: Chinese Political Thought and Its Challenge to International Relations Theory' // Review of International Studies. - 2014. - Vol. 40. - №4. – pp. 683-703.
48. Shambaugh D. China's International Relations Think Tanks: Evolving Structure and Process // The China Quarterly. – 2002. - № 171. - pp. 575-596.
49. Shilliam R. International Relations and Non-Western Thought: Imperialism, Colonialism and Investigations of Global Modernity / R. Shilliam. – Routledge, 2012. - 288 p.
50. Song Xinning Building International Relations Theory with Chinese Characteristics // Journal of Contemporary China. - 2001. - № 26. – pp. 67–68.
51. Takashi Inoguchi Introduction to the special issue of International Relations of the Asia-Pacific // International Relations of the Asia-Pacific. – 2008. – Vol. 8. - № 3. – pp. 271–277.
52. Tang Shiping China and the Future International Order(s) // Ethics & International Affairs. – 2018. - Vol. 32. - № 1.- pp. 31–43.
53. Tang Shiping Social evolution of international politics: From Mearsheimer to Jervis // European Journal of International Relations. - 2010. – Vol. 16. - №1. – pp. 31–55.
54. Tang Shiping Order: A Conceptual Analysis // Chinese Political Science Review. - 2016. - Vol. - №1. - pp. 30-46.
55. Tang Shiping, Long S.R. Joey America’s military interventionism: A social evolutionary interpretation // European Journal of International Relations. – 2011. - Vol. 18. - №3. – pp. 509–538.
56. Tyfield D., Williams E. Towards global relational theorizing: a dialogue between Sinophone and Anglophone scholarship on relationalism // Cambridge Review of International Affairs. – 2019. – Vol. 32. - № 5. – pp. 570-581.
57. Wang Hung Jen Being uniquely universal: Building Chinese international relations theory // Journal of Contemporary China. – 2013. - № 22. – Issue 81. – pp. 518-534.
58. Wang Yiwei Between Science and Art: Questionable International Relations Theories // Japanese Journal of Political Science. – 2007. - №2. – pp. 191–208.
59. Xiao Ren Finalized paper for The Pacific Review special issue “China debates its global role” grown from within: Building a Chinese School of International Relations // The Pacific Review. – 2020. – pp. 1-27.

60. Xu Jianxin On Tianxia system and world institution: review on The Tianxia System: An Introduction to the Philosophy of a World Institution // Quarterly Journal of International Politics. – 2007. - №2. - pp. 113–142.
61. Yan Xuetong From Keeping a Low Profile to Striving for Achievement // The Chinese Journal of International Politics. – 2014. - Vol. 7. - № 2. – pp. 153–184.
62. Yan Xuetong Political Leadership and Power Redistribution // The Chinese Journal of International Politics. – 2016. - Vol. 9. - № 1. – pp. 1-26.
63. Yan Xuetong Xun Zi’s Thoughts on International Politics and Their Implications // Chinese Journal of International Politics. – 2008. - № 2. – pp. 135–165.
64. Yan Xuetong New Values for New International Norms // China International Studies.- 2013. - Vol. 38. - №. 1. - pp. 15–28.
65. Zhang Feng, Tsinghua Approach and the Inception of Chinese Theories of International Relations // Chinese Journal of International Politics. – 2012. - Vol. 5. - № 1. - p. 73-102.
66. Zhang Yongjin System, Empire and State in Chinese International Relations // Review of International Studies. – Vol. 27. - №5. – pp. 43-63.
67. Zhao Tingyang A political world philosophy in terms of all-under-Heaven (Tian-xia)’ // Diogenes. - 2009. - № 221. – pp. 5–18.
68. Zhao Tingyang Rethinking Empire from a Chinese Concept ‘All-under-Heaven’ (Tian-xia, 天下) // Social Identities. – 2006. -Vol. 12. - № 1. - pp. 29 -41.
69. Zhao Tingyang The “China Dream” in Question // Economic and Political Studies. – 2014. - Vol. 2. - № 1. – pp. 127-142.
70. Zi Zhongyun, The relationship of Chinese traditional culture to the modernization of China: an introduction to the current discussion // Asian Survey. – 1987. –Vol. 27. – pp. 442–458.
71. 任晓 共生体系的存在和持久性 - 对熊李力、陈雪飞先生的回应 [Жэн Сяо Симбиотическая система и ее устойчивость – Ответ Чэн Сюэфэю и Сюн Лили] // 学术争鸣 [Академические дискуссии]. – 2014. - № 11. – pp. 32 – 35.
72. 任晓 理论与国际关系理论：一些思考理 [Жэн Сяо Теория и теория международных отношений: некоторые размышления] // 欧洲[Европа]. – 2000. - №4. - pp. 19-25.
73. 刘丰 中国国际关系理论的发展与创新 [Лю Фэн Китайская теория международных отношений: развитие и инновации] // 国际政治研究[Международная политика]. – 2018. - №1. – pp. 134-160.

74. 叶自成, 王日华 春秋战国时期外交思想流派 [Е Цзычен, Ван Жихуа Дипломатическое мышление периодов «весен и осеней» и «сражающихся царств»] // 国际政治科学 [Международная политика].- 2006.- №2. – p. 26.
75. 唐世平 国际秩序的未来[Тан Шипин Будущее международной системы] // 国际观察 [Международный обзор] . – 2019. - №2. – pp. 29-44.
76. 唐世平 国际政治的社会进化:从米尔斯海默到杰维斯 [Тан Шипин Социальная эволюция международной политики: от Миршаймера к Джервису] // 当代亚太 [Современный АТР]. – 2009. - № 4. – pp. 5-31.
77. 唐世平 国际秩序变迁与中国的选项中国 [Тан Шипин Изменения в международном порядке и выбор Китая] // 社会科学[Социальные науки]. – 2019. - №3. – pp. 187-208.
78. 庞中英 开放式的自主发展:对英国国际关系理论的一项观察——思考中国国际关系理论的方向 [Пан Чжунин Исследование «английской школы» - размышление о направлении развития китайской теории международных отношений] //世界经济与政治 [Мировая экономика и политика]. – 2003. - №6. – pp. 20-25.
79. 张志洲 中国国际话语权的困局与出路 [Чжан Чжичжоу Решение дилеммы о дискурсивной власти Китая] //绿叶 [Зеленый лист]. – 2009. - № 5. - pp. 76-83.
80. 张效民, 徐春峰 晚清外交变化的观念因素[Чжан Сяомин, Сю Чунфэн Факторы изменений в дипломатии поздней Цин] // 国际政治科学 [Международная политика].- 2006.- №2. – p. 34.
81. 张睿壮 与发达国家对比中看中国国际关系研究中的差距 [Чжан Жуйчжан Сравнение международных исследований в Китае и развитых странах] // 世界经济与政治 [Мировая экономика и политика]. – 2004. – №1. – pp. 22-23.
82. 李滨 国际关系理论与本土化问题 [Ли Бин Теория международных отношений и проблема индигенизации] // 世界经济与政治[Мировая экономика и политика]. – 2003. - № 4. – pp. 69-80.
83. 梅然 该不该有国际政治理论的中国学? 兼评美国的国际政治理论 [Мэй Жан Нужна ли китайская теория международной политики? Опыт американской теории международной политики] // 国际政治研究[Исследования международной политики]. – 2000. - № 1. – pp. 63-67.
84. 熊李力 共生型国际体系还是竞合型国际体系[Сюн Лили Симбиотическая система международных отношений – это прежде всего система, основанная на сотрудничестве] // 探索与争鸣[Исследования и дискуссии] . – 2014. - №4. - pp. 35-47.

85. 秦亚青 十九大报告与中国外交的新时代 [Цинь Яцин Доклад 19-го съезда КПК и новая эра китайской дипломатии] // 亚太安全与海洋研究[Исследования безопасности в АТР]. – 2018. - № 3. – pp. 1-4.
86. 秦亚青 世界政治的关系理论 [Цинь Яцин Теория отношений мировой политики] // 世界政治研究 [Исследования мировой политики]. – 2018. – Vol.2. - № 2. – pp. 30-46.
87. 秦亚青 中华文化与新型国际关系 [Цинь Яцин Китайская культура и международные отношения нового типа] // 世界知识 [Мировой обзор]. – 2019. - № 1. – pp. 55-57.
88. 秦亚青 中国文化及其对外交决策的影响 [Цинь Яцин Влияние китайской культуры на внешнюю политику] // 国际问题研究 [Исследования мировой политики]. – 2011. - № 5. – pp. 21-33.
89. 秦亚青 全球国际关系学与中国国际关系理论 [Цинь Яцин Глобальная теория международных отношений и китайская теория] // 国际观察 [Международный обзор]. – 2020. - №2. – pp. 27-45.
90. 秦亚青 关系本位与过程建构:将中国理念植入国际关系理论 [Цинь Яцин Отношения и процесс: привнесение китайских концепций в теорию международных отношений] // 中国社会科学[Социальные науки Китая]. – 2009. - № 3. – pp. 69-86.
91. 秦亚青 国际关系理论中国学派生成的可能和必然 [Цинь Яцин Возможность и необходимость создания «китайской школы» ТМО»] // 世界经济与政 [Мировая экономика и политика]. – 2006. - № 3. – pp. 7-13.
92. 秦亚青 国际关系理论的核心问题与中国学派的生成 [Цинь Яцин Ключевые вопросы ТМО и рождение «китайской школы»] // 中国社会科学[Социальные науки Китая]. – 2005. - № 3. – pp. 165 – 177.
93. 苏长和 共生型国际体系的可能 - 在一个多极世界中如何构建新型大国关系 [Су Чанхэ Реальность международной симбиотической системы – Как построить отношения нового типа в многополярном мире] // 世界经济与政治[Мировая экономика и политика]. – 2013. №9. – pp. 4 - 22.
94. 赵汀阳 从国家、国际到世界：三种政治的问题变化 [Чжао Тинян От семьи и международных отношений до мира: три изменения в политических вопросах] // 哲学研究 [Исследования философии]. - 2009. - № 1. – pp. 89-95.
95. 赵汀阳 天下:在理想主义和现实主义之间 [Чжао Тинян «Поднебесная»: между реализмом и идеализмом] // 探索与争鸣[Исследования и дискуссии]. - 2019. - № 9. – pp. 100-109.

96. 赵汀阳 天下体系的一个简要表述[Чжао Тинян Краткое изложение системы «Тянься»] // 世界经济与政治[Мировая политика и экономика]. – 2008. - №10. – pp. 57- 65.
97. 赵汀阳 天下秩序的未来性[Чжао Тинян Будущность системы «Тянься»] // 探索与争鸣 [Исследования и дискуссии]. – 2015. - № 11. – 7-22 pp.
98. 赵汀阳 天下究竟是什么.兼回应塞尔瓦托·巴博纳斯的“美式天下”[Чжао Тинян Что такое «Тянься». Ответ «американской Поднебесной» С. Бабонса] // Social Sciences Digest. – 2018. - № 6. – pp. 23-26.
99. 金应忠 从“和文化”到新型国际关系理念[Цзинь Инджун От культуры гармонии к концепции нового типа международных отношений] // 社会科学[Социальные науки]. – 2015. - № 11. – pp. 18-33.
100. 金应忠 为什么要倡导“共生机遇论”? [Зачем необходимо продвигать систему симбиоза?] // 国际观察[Международный обозреватель]. – 2020. - №1. – pp. 18 - 46.
101. 金应忠 为什么要倡导共生型国际体系—与熊李力先生对共生性学说理论批判的商榷 [Цзинь Инджун Почему необходимо продвигать симбиотический тип международной системы – Ответ на критику Сюн Лили] // 社会科学[Социальные науки]. - 2014. - №9. – pp. 3-10.
102. 金应忠 为什么要研究国际社会共生性. 兼议和平发展时代国际关系理论[Цзинь Инджун Зачем необходимо исследовать международный симбиоз. ТМО эпохи мирного развития] // 国际展望 [Международный обзор] . - 2011. - №5. – pp. 2 - 5.
103. 金应忠 再论共生理论. 关于当代国际关系的哲学思维 [Цзинь Инджун Еще раз о теории симбиоза. Философские размышления о современных международных отношениях] // 国际观察[Международный обзор] . - 2019. - №1. – pp. 14 - 35.
104. 金应忠 国际社会的共生论 . 和平发展时代的国际关系理论[Цзинь Инджун Теория международного симбиоза. ТМО эпохи мирного развития] // 社会科学[Социальные науки]. – 2010. - №10. – pp. 12-21.
105. 金应忠 试论人类命运共同体意识—兼论国际社会共生性[Цзинь Инджун Сообщество единой судьбы человечества и международный симбиоз] // 国际观察[Международный обзор]. – 2014. - №1. – pp. 37 -51.
106. 阎学通 再论为何没有“中国学派” [Янь Сюэтун Еще раз о причинах отсутствия «китайской школы»] // 国际政治科学 [Международная политика]. – 2018. - №1. – pp. 2-6.
107. 阎学通 从韬光养晦到奋发有为. 中国崛起势不可挡 [Янь Сюэтун От политики «держаться в тени» до политики «стремиться к достижениям». Китайское возвышение

- неизбежно] // 中国经济周刊 [Китайский экономический еженедельник]. – 2013. - № 43. – pp. 44-47.
- 108.** 阎学通 俄罗斯可靠吗 [Янь Сюэтунь Надежна ли Россия?] // 国际经理评论 [Международный экономический обзор]. – 2012. - № 6. – pp. 21–25.
- 109.** 阎学通 先秦国家间政治思想的异同及其启示 [Янь Сюэтунь Доциньские размышления о природе международных отношений и открытия, которые они несут] // 中国社会科学 [Социальные науки Китая]. – 2009. - №3. – pp. 87-108.
- 110.** 阎学通 国际关系理论是普世性的 [Янь Сюэтунь Теория международных отношений является универсальной] // 世界经济与政治 [Мировая экономика и политика]. – 2006. - №2. – p. 1.
- 111.** 阎学通 外交转型、利益排序与大国崛起[Янь Сюэтунь Трансформация дипломатии, упорядочивание интересов и возвышение великих держав] // 战略决策研究[Исследования стратегической политики]. – 2017. - № 3. – pp. 4-11.
- 112.** 阎德学 习近平外交思想与中国特色国际关系理论构建 [Янь Дэсюэ Мысли Си Цзиньпина о дипломатии и конструировании китайской теории международных отношений] //东北亚论坛 [Северо-Восточный форум]. – 2019. - №1. – pp. 3-20.
- 113.** 阿米塔夫·阿查亚, 董贺 全球国际关系学与国际关系理论的中国学派:两者是否兼容 [Ачария Амитав, Дун Хэ Совместимость «глобальной ТМО» с «китайской школой»] // 世界经济与政治 [Мировая экономика и политика]. – 2015. - №2. – pp. 10-15.
- 114.** 陈玉聘 国际关系学中的经典与阐释:评“中国先秦国家间政治思想选读 [Чэн Юдай Международные отношения в классических произведениях: политическая мысль доцинского периода] // 国际政治科学 [Международная политика].- 2008. - №3. – p. 68.
- 115.** 陈雪飞 中国应建立文明导向的世界秩序观 [Чэн Сюэфэй Китай должен основывать взгляды на мироустройство на культуре] // 探索与争鸣 [Исследования и дискуссии] . – 2014. - №4.- pp. 21-34.
- 116.** 鲁鹏 中国特色国际关系理论建设的阶段性进展与不足 [Лу Пэн Развитие теории международных отношений с «китайской спецификой» и недостатки] // 国际关系研究 [Международные исследования]. – 2019. - № 4. - pp. 74 -83.
- 117.** 齐杓东, 申晓若 “关系与过程: 中国国际关系理论的文化建构”之管见 [Ци Бяодун, Шэн Сяожо Обзор монографии «Отношения и процесс: конструирование китайской теории международных отношений на основе культуры »] // 国际研究参考 [Международные исследования]. – 2017. - № 2. - pp. 3-5.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КИТАЙСКИХ ТЕОРИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

	Пекинская школа			Шанхайская школа	
	Теория отношений (Процессуальный конструктивизм)	Моральный реализм	Система «Тянься»	Парадигма социальной эволюции	Теория симбиоза международного сообщества
Представители теории	Цинь Яцин	Янь Сюэтун	Чжао Тинян	Тан Шипин	Ху Шоуцзюнь, Цзинь Инджун, Жэн Сяо, Ли Ючжун, Ян Цземьянь, Су Чанхэ, Юань Шэньюй
Формальная принадлежность к «китайской школе»	<i>Принадлежит.</i> Цинь Яцин – главный сторонник индигенизации ТМО	<i>Не принадлежит.</i> Янь Сюэтун – главный критик концепции национальной школы	<i>Принадлежит</i>	<i>Не принадлежит.</i> Относится автором к «глобальной ТМО»	<i>Принадлежит</i>
Элементы традиционной китайской философии	Ориентация на регулирование отношений, проистекающее из <i>конфуцианской традиции.</i> Применение для анализа <i>диалектики «срединного пути» и категорий китайской натурфилософии (инь-ян)</i>	Опора на эмпирические данные и философские течения <i>доциньского этапа</i> китайской истории. Наиболее часто рассматриваемый период – « <i>Чжаньго</i> ». Наиболее цитируемый философ – <i>Сюнь-Цзы</i>	В основе теории лежит важнейший идеологический концепт китайской культуры – «Тянься» (« <i>Поднебесная</i> »), уходящий корнями в период Западной Чжоу	-	Теория основана на синтезе <i>представлений о гармонии</i> в ключевых направлениях китайской философии, в особенности в конфуцианстве и даосизме
Взаимодействие с западной ТМО	Использование положений <i>социального конструктивизма</i> , особое внимание к понятию идентичности	Является направлением в рамках <i>реалисткой парадигмы</i>	-	Теория носит <i>межпарадигмальный характер.</i> Является связующим звеном между наступательным и оборонительным реализмом	Содержит отдельные положения <i>марксизма</i>
Естественное состояние международной среды	<i>Сосуществование анархии и иерархии.</i> Стремление системы к гармонии	<i>Анархия</i>	<i>Гармония</i>	<i>Анархия</i>	<i>Гармония, симбиоз</i>

	Пекинская школа			Шанхайская школа	
	Теория отношений (Процессуальный конструктивизм)	Моральный реализм	Система «Тянься»	Парадигма социальной эволюции	Теория симбиоза международного сообщества
Понятие международной системы	Разветвленная и сложная сеть отношений, сумма взаимодействий между акторами	Совпадает со структурным реализмом	Идеальная форма международной системы – система «Тянься». Отказ от приоритизации национального суверенитета в пользу «мировости»	Совпадает с определением международной системы в реализме	Международная система – система гармоничного симбиоза. Общность всех акторов системы на основе их тесной взаимосвязи, в первую очередь экономической
Причины конфликтности международных отношений	Неразвитость норм управления отношениями, ошибочное восприятие многообразия идентичностей как предпосылки для конфликтов	Борьба за власть и реализацию национальных интересов. Недостаточный уровень моральности лидера	Отсутствие гуманного лидера и развитых представлений о «мировости»	Совпадает с оборонительным реализмом: дилемма безопасности, верования и представления	Доминирование негативных представлений о природе международных отношений и основанных на них теорий. Недостаточное осознание общности интересов международных акторов
Критерии лидерства	Системный лидер определяется материальными факторами и его потенциалом в области управления отношениями	Наиболее сильное с материальной точки зрения государство. Сила лидера и стабильность его власти прямо пропорциональна уровню его моральности	«Сына Неба» характеризует обладание «волей народа», забота о благосостоянии и процветании системы. Лидер чаще всего появляется за счет создания системы «Тянься»	Наиболее сильное с материальной точки зрения государство	Лидером системы может стать государство, полностью осознающее принципы международного симбиоза и являющееся проводником данных принципов в системе

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ОЦЕНКА КИТАЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

	Пекинская школа			Шанхайская школа	
	Теория отношений (Процессуальный конструктивизм)	Моральный реализм	Система «Тянься»	Парадигма социальной эволюции	Теория симбиоза международного сообщества
Возможность «мирного возвышения»	«Мирное возвышение» <i>возможно</i> . Китай обладает культурой сотрудничества и не заинтересован в конфликте. Отличность китайской идентичности способствует гармонизации международной системы	<i>Возвышение приоритетно по отношению к политике мира</i> . Конфликт между возвышающимся государством и текущим гегемоном неизбежен	«Мирное возвышение» <i>возможно</i> и может поспособствовать становлению системы «Тянься»	«Возвышение» <i>возможно, однако, не в ближайшей перспективе</i> , так как на данный момент Китай все еще существенно отстает от лидера системы	«Мирное возвышение» <i>возможно</i> . Увеличение Китаем силы способствует усилению сил, выступающих за мир и гармонию в системе, но не конфликтных сил
Является ли нынешний политический курс сменой парадигмы	<i>Не является</i> . Активизация на внешнеполитической арене следствие продолжения курса на «мирное возвышение»	<i>Является</i> . Отказ от пассивной политики свидетельствует о готовности Китая к стратегической конкуренции с США	<i>Не является</i> . Принципы «Тянься» присутствовали в китайской политике и на более ранних этапах	<i>Частично</i> . Стратегия КНР в вопросе глобального лидерства остается неопределенной	<i>Частично</i> . Политический курс Китая отражает усиление глобальной тенденции к симбиозу
Необходим ли отказ от принципа «держаться в тени»	<i>Нет</i> . Принцип лучше всего отражает китайскую дипломатическую культуру	<i>Да</i> . Принцип ограничивает китайскую внешнюю политику и мешает реализации национальных интересов	-	<i>Скорее нет</i> . Сдержанная внешняя политика может быть более выгодной для Китая	-

	Пекинская школа			Шанхайская школа	
	Теория отношений (Процессуальный конструктивизм)	Моральный реализм	Система «Тянься»	Парадигма социальной эволюции	Теория симбиоза международного сообщества
Оценка «дипломатических идей Си Цзиньпина»	<i>Положительная.</i> Концепции «сообщества единой судьбы человечества» и «международных отношений нового типа» отражают китайскую культуру управления отношениями и вносят существенный вклад в глобальное управление.	<i>Положительная.</i> «Идеи» способствуют реализации ключевого интереса – «великого возрождения китайской нации» параллельно демонстрируя высокую моральность китайской политики	<i>Положительная.</i> «Идеи» отражают главные принципы системы «Тянься» - инклюзивность, холистический подход и действие принципа «конфуцианского усовершенствования» (孔子改善)	<i>Преимущественно положительная.</i> Необходимо более четко формировать приоритеты и соизмерять масштаб инициатив с реальными возможностями	<i>Положительная.</i> Выдвижение инициатив является прямым следствием стремления Китая и мира к симбиозу
Оценка инициативы «Пояс и Путь»	<i>Положительная.</i> Отражает общность интересов всех международных акторов, способствует гармонизации международных отношений	<i>Положительная.</i> Инициатива демонстрирует готовность Китая предоставлять общественные блага. Однако, в первую очередь необходимо сосредоточиться на домашнем регионе	<i>Положительная.</i>	<i>Положительная.</i> Ввиду усиления тенденции к регионализации, объектом реализации инициативы должен стать домашний регион	<i>Положительная.</i>
Рекомендации	Необходимо соблюдать баланс между внутренней и внешней политикой, а также активностью государства на международной арене и его реальной мощью	КНР следует отказаться от политики незаключения союзов	-	Внутренняя политика приоритетна по сравнению с внешней. Внешнеполитическая повестка требует уточнения, в частности, того, как Китай планирует реформировать систему глобального управления	-

